

Я. А. КАНТОРОВИЧ

ПСИХОЛОГИЯ СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКЮ УССР
ХАРЬКОВ, 1925.

Оглавление

ГЛАВА I. Роль свидетелей в судебных делах.—На чем основано доверие суда к свидетельским показаниям?—Законное предположение достоверности свидетельских показаний; исключения: показания недобросовестных свидетелей и показания органически или психически дефектных свидетелей. — Несовершенство человеческих способностей, как источника и средства воспроизведения прошлой действительности.—„Нормальная“ ложь добросовестного свидетеля.	3—5
ГЛАВА II. Судебные ошибки.—Известные исторические процессы (дело Калана). — Примеры судебных ошибок в художественной литературе (Братья Карамазовы у Достоевского, „Крэнкебиль“ у А. Франса) и в мемуарной литературе.—Наука экспериментальной психологии.—Проверка свидетельских показаний путем сопоставления объективной действительности с воспоминанием свидетеля об этой действительности.—Опыты Штерна с картинками; условия их производства; результаты опытов: общее число ошибок, влияние пола, времени; показания относительно количества и цвета наблюдаемых предметов.	5—10
ГЛАВА III. Недостатки и преимущества опытов по сравнению с реальной обстановкой жизни. — Инсценированные опыты проф. Листа и Липмана. — Опыты проф. Лабзина над учениками народных школ для выяснения типов детской памяти и восприятия впечатлений различными органами чувств.—Детские показания, относящиеся к обозначению количества и расстояния.	10—15
ГЛАВА IV. Специальный журнал по вопросам психологии свидетельских показаний. — Опыт в массовом масштабе, произведенный группой русских юристов и психологов в Ленинграде в 1904 г. — Сцена убийства Юлия Цезаря в московском художественном театре.—Вопросы, предложенные зрителям — очевидцам этой сцены.—Полученный материал ответов и предполагавшаяся обработка его в психологическом и юридическом обществах.	15—17
ГЛАВА V. Функции психических способностей свидетеля: восприятия, запоминания и репродукции.—Аномалии в отправлении этих функций.—Клинические наблюдения проф. Крамера над психически больными: иллюзии чувств, аномалии памяти, нарушение способности воспроизведения. — Свидетельские показания истериков, неврастеников, алкоголиков, эпилептиков.	17—20
ГЛАВА VI. „Нормальные“ дефекты нашего психического механизма.—Несовершенство способностей внимания и памяти, как орудий восприятия и запоминания. Объекты свидетельских показаний. — Акт восприятия, апперцепция; оптические ошибки; объективные и субъективные ошибки.—Процесс воспоминания; конкретные и абстрактные суррогаты воспоминаний. — Память слов, как источник ошибок. — Мнимые	

воспоминания, заполняющие пробелы памяти или выполняющие действительные впечатления: смещение выводов умозаключения с данными восприятия, влияние чужого мнения, газетного сообщения, отражение сновидения.

Внешние условия восприятия впечатлений и их воспроизведения в памяти.—Состояние сильного аффекта.—Внушение и самовнушение, как факторы извращения истины.—Влияние внушения при допросе свидетеля; наблюдения в опытах Штерна.—Наводящие вопросы, как орудие добывания ошибочных показаний; разделение их на категории в зависимости от степени содержащегося в них элемента внушения.—Влияние внушения на детей; результаты опытов Бине.—Ограничение наводящих вопросов в английском процессе.—Роль председателя суда в устранении наводящих вопросов; мнение Шнейкерта о лишении сторон права задавать свидетелю вопросы.—Влияние времени на ошибочность показания; результаты опыта Штерна.

Субъекты показаний.—Влияние индивидуальных особенностей и личных качеств свидетеля на достоверность показаний.—Приемы в процессе воспоминания: слуховой, зрительный и моторный.—Окрашенные слуховые ощущения.—Утонченность органов чувств у художников.—Зрительная память.—Внимание центростремительное и центробежное.—Влияние темперамента свидетеля.—Влияние пола: различие между женскими и мужскими показаниями.—Влияние возраста; чрезвычайная подверженность детей внушению; наблюдения Штерна.—Вопрос о допустимости на суде показаний детей; мнение Шнейкерта.—Различия между показаниями образованных и простых людей.—Юристы и кабинетные ученые, как субъекты свидетельских показаний.

Значение психологической теории свидетельских показаний для правосудия.—Практические выводы из этой теории о средствах, которыми можно улучшить достоинство материала показаний и качество свидетелей.—Меры отрицательные и положительные.—Необходимость института психологической экспертизы при судебном разбирательстве.—Двойная роль эксперта — психолога. 20—39

ГЛАВА VII. Психология судейской деятельности.—Судья—свидетель свидетельских показаний.—Подверженность судей тем же влияниям и воздействиям, которыми обуславливаются ошибки и aberrации свидетельского сознания.—Ошибочная оценка судьей свидетельских показаний; осторожность английского судьи.—Наблюдения А. Ф. Кони: необходимость осторожного отношения судьи к показаниям свидетелей в обозначении времени и к обычным преувеличениям в показаниях потерпевших.—Свидетели „по слуху“.—Ошибочность показаний о чужих словах.—Виденное достовернее слышанного („один глаз заслуживает больше доверия, чем два уха“). 39—43

ГЛАВА VIII. Психология допроса обвиняемого.—Необходимость осторожного отношения к показаниям обвиняемого.—Аберрация памяти у обвиняемого.—Предубеждение судьи против подсудимого и неосновательные выводы из его поведения на суде.—Молчание подсудимого не всегда может быть истолковано как улика против него.—Сознание обвиняемого.—Случаи вынужденного сознания подсудимого.—Случаи ложного признания у психопатов, истериков и слабых духом.—Важность для судьи выяснения мотивов сознания.—Необходимость изучения психологии судейской деятельности путем научно-экспериментального исследования.—Проблема „судебной психологии“ в современной научной литературе. 44—50

ПСИХОЛОГИЯ СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ.

I.

Всем известно, какую огромную роль играют свидетели в судебных делах, в особенности, в уголовных делах. Показания свидетелей являются в большинстве дел главным, а часто единственным доказательным материалом, подтверждающим или опровергающим факты, вменяемые в вину обвиняемому. На свидетельских показаниях часто всецело и исключительно основываются судебные приговоры, они составляют главное орудие, которым оперирует правосудие, от них зависит судьба людей, сидящих на скамье подсудимых.

На чем основано такое доверие, оказываемое судом неизвестному ему человеку, который стоит пред судьейским столом и рассказывает ему о том, что он видел и слышал?

Этому даются различные объяснения. Известный ученый, криминолог Бентам объясняет это тем, что люди, вообще, склонны к спокойному состоянию, а изобретать ложь гораздо затруднительнее, чем говорить правду; поэтому предполагается, что в самой природе человеческой заложена склонность к правдивому, соответствующему действительности, изложению виденного и слышанного. Другие полагают, что свидетели побуждаются к правде присущим большинству людей сознанием, что без правды невозможен нормальный порядок общежития. Третьи объясняют предполагаемую правдивость свидетелей религиозными и моральными соображениями и боязнью кары небесной или земной. Вообще же, в жизни всякое общение между людьми—рассказ, показание, извещение, донесение, доклад—покоится на той презумпции, что люди, вообще, способны восстанавливать пережитую действительность при помощи памяти и что они в большинстве случаев искренне к тому расположены, другими словами, что они объективны и правдивы.

На том или другом основании—показания свидетелей, по общему правилу, предполагаются достоверными, и поэтому служат законным источником доказательного материала, которым оперирует правосудие для отыскания истины. Только в двух случаях достоверность свидетельских показаний может быть по закону опирачиваема и оспариваема:

1) когда имеется налицо явная недобросовестность свидетеля—умышленно лживое показание, вследствие ли побуждений чувства злобы и мести против обвиняемого, или вследствие преступного ожидания выгоды от исхода процесса, и

2) когда у свидетеля имеются какие-либо органические дефекты или болезненное состояние, лишające его возможности говорить правду, вследствие его неспособности нормально воспринимать впечатления внешнего мира или нормально перерабатывать впечатления в своем мозговом аппарате (напр., слепые, глухие, страдающие дальтонизмом, т. е. неспособностью различать цвета, или умалишенные, психически неуравновешенные, кретины, идиоты, не умеющие объективно ориентироваться в окружающем, неспособные различать мир действительности и мир их болезненной фантазии). За этими исключениями, всякое показание свидетеля нормально, по предписанию закона, должно приниматься Судом, как законное доказательство, в подтверждение или в опровержение фактов, лежащих в основе судебных приговоров.

В этом спокойном, доверчивом отношении к показаниям свидетелей правосудие пребывало в течение многих веков. Но вот в конце XIX ст. это доверие было поколеблено. Наблюдениями и опытами представителей экспериментальной психологии было обнаружено, что люди часто видят и слышат то, чего вовсе не было в действительности, и не видят и не слышат того, что было в действительности; оказывается, что из потока впечатлений, воспринимаемых каждым из нас из внешнего мира, многое вовсе не попадает в сферу нашего сознания или отпечатлевается в мозговом аппарате с недостаточною точностью и отчетливостью, или переплетается с продуктами воображения и воли и дает сознанию неверные представления, обуславливающие собою ложные умозаключения и причудливые иллюзии. Произведенные в этом направлении опыты дали поразительные результаты, свидетельствующие о несовершенстве человеческих способностей, как источника и средства воспроизведения прошлой действительности, и о многочисленных и разнообразных ошибках в показаниях свидетелей, в которых часто содержится бессознательное и невольное извращение этой действительности; между тем, цель свидетельского показания заключается именно и единственно в воспроизведении, путем воспоминания, виденного и воспринятого в прошлом.

Таким образом, обнаруживается, что, кроме умышленной лжи, обуславливаемой недобросовестностью свидетеля, или лжи патологической, обуславливаемой физическими или психическими недостатками, существует еще „ложь добросовестная“, „нормальная“, которой вовсе не подозревают

сами свидетели, искренно уверенные в том, что они показывают правду, — ложь бессознательная, которая, по выражению одного из наших писателей, „лжет истинной“. Имеется, стало быть, пред лицом правосудия, „правдивая ложь“ или „лживая правда“.

Этими наблюдениями была выдвинута проблема, одинаково интересная для психологов и для юристов, и заключающаяся в вопросе: в какой мере среднее показание нормального, непредубежденного, добросовестного свидетеля можно считать верным воспроизведением об'ективного факта?

II.

Сомнения в безусловной достоверности свидетельских показаний возникали не раз в судебной практике при обнаруживавшихся судебных ошибках. Один старый французский судья, выдавший на своем веку много свидетелей и знавший не мало судебных ошибок, выразил эти сомнения в шуточной форме, сказав: „если бы меня обвинили в краже башен с церкви *Nôtre—Dame*, я первым делом постарался бы скрыться“. Известны многочисленные исторические процессы (как напр., знаменитое дело Калласа, который был осужден и четвертован, впоследствии же, благодаря могущественным усилиям Вольтера, был реабилитирован), которые убеждают в том, что судебные ошибки, основанные на показаниях добросовестно заблуждающихся свидетелей, стары, как сам суд. Также в художественной литературе встречается не мало примеров, показывающих, как, вследствие цепи случайностей, может совершенно измениться в представлениях и воспоминаниях очевидцев-свидетелей об'ективная обстановка и причинная связь фактов. Вспомним подробно описанное Достоевским в „Братьях Карамазовых“ судебное дело по обвинению Дмитрия Карамазова в убийстве отца, или замечательный рассказ Анатоля Франса „Кренкебиль“, в котором излагается простая история — как уличный продавец овощей Кренкебиль был привлечен к суду по обвинению в оскорблении полицейского и как на суде свидетели, к величайшему изумлению обвиняемого, в своих показаниях об обстоятельствах уличного инцидента, случайными очевидцами которого они были, видели и слышали то, чего в действительности совершенно не было. То же замечаем в исторических мемуарах, хрониках, воспоминаниях, в которых один и тот же факт излагается очевидцами самым разноречивым и даже противоречивым образом.

Богатый материал психологических наблюдений в области судебной имеется у английских исследователей. Еще Бентам в своем исследовании о судебных доказательствах (1827 г.) подверг вопрос о психологических или, как он

называет их, интеллектуальных основаниях ошибочности свидетельских показаний, основательному рассмотрению. С тех пор проблема эта составляла предмет исследования английской науки и вызывала значительный интерес у английских судебных деятелей. „Мы часто ошибаемся, говорит судья, лорд Поллок, даже в том, что, как нам кажется, мы видим; и еще чаще мы ошибаемся в том, что, как нам кажется, мы слышим. Но и помимо того, что все чувства наши сплошь и рядом обманывают нас, надлежащее истолкование всего воспринятого через их посредство представляет собою задачу далеко не легкую, требующую часто от наблюдателя специальных познаний. Так, напр., вопрос о расстоянии является одним из обычных, с которым обращаются на суде к свидетелям; а между тем редко кто способен мало-мальски точно определить на глаз расстояние: для этого необходим навык, который дают лишь немногие специальные знания“.

Также известный австрийский криминалист Ганс Гросс в его „Руководстве для судебных следователей“, вышедшем в 1893 г., и в „Криминальной психологии“, вышедшей в 1898 г., трактуя о допросе правдивого свидетеля, указывает на то, что „уже из повседневной жизни нам известно, что люди различно воспринимают обыкновенные происшествия, различно сохраняют их в памяти и различно передают их... Почти в каждом случае поражаешься, как различно каждый свидетель передает обстоятельство дела, не обнаруживая при этом ни малейшего колебания“.

Таких указаний в юридической и психологической литературе имеется не мало. Но эти отдельные указания и факты не имели значения, потому что не были приведены в научную систему. Лишь в последнее десятилетие XIX в., совместными усилиями психологов и криминалистов, был научно изучен механизм свидетельских показаний, как средства изображения прошлой действительности и как орудия суда для выяснения истины.

В конце XIX в. возникла новая, основанная на опыте и наблюдении, наука—экспериментальная психология, которая обогатилась, на основании живого психологического материала, новыми научными открытиями и многими выводами. Криминалисты не замедлили использовать эти экспериментальные данные, содержащиеся в специальных трудах психологов, для изучения вопросов, интересующих криминалистику, присоединив еще сюда обширный материал, взятый из судебного опыта.

В 1902 г. появилась работа приват-доцента Бреславского университета по кафедре философии Вильяма Штерна (Stern), обратившая на себя всеобщее внимание. В этой работе делается попытка использовать общие положения

науки психологии и выработанные ею методы—для изучения вопросов, относящихся к области судебного следствия—к показаниям свидетелей. Таким образом, юридический мир неожиданно получил научную помощь от представителя науки психологии.

Штерн исходил из следующего положения: чтобы установить, может ли воспоминание дать точную копию прошедшего, необходимо иметь возможность проверить свидетельское показание путем сопоставления, путем, так сказать, очной ставки между объективной действительностью и воспоминанием свидетеля об этой действительности. Для этого надо получить свидетельские показания о таких предметах или событиях, которые не исчезают бесследно, как это имеет место в реальной жизни, а которые во всякое время могут быть повторены и, будучи фиксированы, могут быть сопоставлены и сравниваемы с показанием. Этой цели могут служить либо неизменные объекты, картины или отрывки из литературных произведений, либо такие легко повторяемые происшествия, как сценические представления или проекции кинематографа.

Штерн начал с простейшего опыта, который заключался в том, что он давал своим слушателям для рассмотрения фотографические снимки, изображающие более или менее сложные сочетания разных предметов какой либо обстановки или жизненного явления (напр., картинку, изображающую переезд семьи художника со своим домашним имуществом на новую квартиру), и затем через некоторый промежуток времени (через 3—4 минуты) отбирал от каждого из них описание того, что он видел на этой картинке. Кроме того, через несколько недель от этих же лиц отбирались вторичные показания, и наконец, спустя еще несколько недель, этим же лицам предлагалось еще раз описать эти картинки и при этом подчеркнуть в описании все то, что они, в случае судебного разбирательства, готовы были бы подтвердить под присягой.

Ошибки в ответах устанавливались количественно и качественно; для этого показания были разложены на составные элементы: для каждой картины были составлены списки деталей и затем все верно отмеченные в каждом показании детали отмечались на листе знаком +, неверные—знаком —. Итог тех и других показывал объем воспоминания и ошибок, при делении одного итога на другой получался процент ошибок. Пример: в показании содержится 50 детальных указаний, из них 3 ложных, следовательно, "—6" показаний неверны.

Разумеется, такой способ процентного исчисления представляется недостаточно точным, в виду того, что важность отдельных элементов слишком различна, чтобы их отмечать

одинаково единицей: одни детали могут легче запоминаться, чем другие.

Для исправления этого недостатка — хоть отчасти, — наиболее важные предметы считались Штерном за 2 единицы; в отношении этих предметов как верные, так и неверные показания отмечались двойными числами, и наоборот, незначительные мелочи отмечались как полуошибки. Конечно, тут как и во всякой статистике, приходится довольствоваться грубыми выводами, которые имеют лишь относительное значение.

Результаты этого опыта были следующие. Участвовали в опыте 33 человека — 25 мужчин и 8 женщин. Всего было получено от этих 33 лиц 282 общих показания, заключавших в себе 10913 показаний об отдельных деталях; из этого числа показаний 919 оказались совершенно неверными, т. е., в среднем, неправильных, „ложных“ показаний было 8,5%, причем в первичных показаниях было неправильностей 1 из 17, а во вторичных — 1 из 10, т. е. почти вдвое больше. Это имеет значение для суда, потому что ему приходится иметь дело почти всегда с вторичными показаниями, т. е. отобранными чрез некоторый промежуток времени. Затем, чем длительнее промежуток времени между показаниями, тем увеличивается число ошибок, что опять-таки имеет весьма важное значение для судебного процесса, в виду обычной медленности производства.

Различие пола обнаружилось следующим образом: женщины меньше забывают, но больше ошибаются; в первичных показаниях большой разницы нет, во вторичных мужчины пропускали 20%, женщины 13%, но зато первые делали 7,8% ошибок, вторые 10,5%; забывчивость женщин относится к мужской забывчивости, как 2 к 3, ошибочность как 4 к 3. Из 63 показаний, данных под присягой, 11 были неверны, т. е. 1/6 часть, а в общем в этих показаниях было меньше неправильностей, чем в обыкновенных показаниях без присяги. И здесь разница полов останавливает на себе внимание: женщины готовы подтвердить под присягой больше утверждений, чем мужчины, но в их присяжных показаниях столько же ошибок, как и в неприсяжных, между тем, как у мужчин в присяжных показаниях меньше ошибок, чем в неприсяжных; все безошибочные присяжные показания даны исключительно мужчинами.

Характер ошибок самый разнообразный, напр.: пропуск того, что было в действительности, прибавки того, чего в действительности не было, разные превращения, т. е. изображение действительности в ином виде, в особенности во всем, что касается количества, качества, расположения и взаимоотношения предметов.

В следующих опытах Штерна, произведенных теми же методами, выяснились дополнительные данные. В опытах, в которых показания свидетелей отбирались в непродолжительном после восприятия времени и при том касались виденных им объектов, не представляющих для внимания особой трудности, — средняя ошибочность показаний равна приблизительно 25%, другими словами, из четырех определенных ответов один неверен. Ошибочность эта значительно меньше в свободном рассказе свидетеля, чем в ответах его на специально предложенные ему вопросы: 6% и 27½%; в акустических ответах — 11% и 56%. Ошибочность возрастает от влияния времени, именно в такой прогрессии: через 5 дней ошибочность увеличивается на 1,5%, через 14 дней — на 4,3%, и через 21 день — на 6%; особенно это сказывается в показаниях количественных: показания относительно величины, силы, степени, множества, продолжительности — с течением времени явно обнаруживают тенденцию к преувеличениям. Ошибочность достигает крайне высоких размеров, в зависимости от некоторых особых свойств объекта; так, напр., при показаниях относительно цвета на вопросы о красках почти половина ответов неверна, а именно, у детей ошибочность определялась в 40—50%, у взрослых — свыше 30%. При этом заслуживает внимания, что яркие цвета, кричащие краски, которые, как мы привыкли думать, наиболее сильно врезаются в память, на самом деле, как видно из опытов Штерна, оказываются наиболее слабо запечатленными в памяти: Штерн показывал детям и молодым людям весьма ярко раскрашенный рисунок; в связной передаче того, что было замечено на этом рисунке, не было почти никаких указаний на его окраску, а при ответах на вопрос о красках показания получались в большинстве случаев неверные, именно, в среднем на каждые три верных ответа приходилось два неверных.

На основании позднейших опытов, Штерн пришел к заключению, что „показания о внешности лиц, в особенности, о цвете волос, бороде и усах, одежде и цвете ее, вовсе не заслуживают доверия, если в момент восприятия признаки эти почему либо не привлекли к себе особого внимания свидетеля“.

Один из опытов Штерна заключался в следующем. Он предложил группе студентов вопрос об устройстве аудитории, в которой они были 8 дней тому назад — в частности, о числе окон и скамей, расположении дверей, потолке и т. д. Из общей суммы полученных ответов 15% имели неопределенный смысл („не знаю“), 25%, т. е. больше четверти были неверны.

Опыты Штерна относились по преимуществу к зрительным восприятиям. Произведенный Штерном опыт слухового

характера заключался в следующем: А делает небольшое устное сообщение Б. Последний через три часа записывает сообщение и прочитывает его В, который, в свою очередь, через три часа записывает его и прочитывает Г, а этот тем же порядком передает его Д. В результате этой последовательной передачи получается поразительное извращение первоначального содержания сообщения, которое обнаруживается, главным образом, в склонности к преувеличениям.

III.

Конечно, эти опыты происходили в иных, более благоприятных, условиях, чем это бывает в жизни. Испытуемые — студенты, интеллигентные молодые люди, т. е. особенно впечатлительные; при обозрении картинок они знали, что им придется давать показания, поэтому внимание их было особенно напряжено, тогда как на суде свидетелям приходится передавать впечатления, случайно запечатлевшиеся у них, большею частью, мимолетные, невнимательно воспринятые ими и памятью не запечатленные. При этом следует еще иметь в виду, что в жизни мы вообще видим ничтожную долю того, что представляется нашему взору. Лишь часть сетчатки глаза воспринимает ясно, соседние же части, в которых сосредоточивается большая часть горизонта, воспринимают лишь неясные очертания. При опытах эти неудобства исчезают, так как „свидетели“ могли последовательно передвигать картины перед сетчаткой. Если еще к этому прибавить продолжительность наблюдения во время опыта, в течение 3-4 минут,—чего в вихре быстро сменяющихся впечатлений в реальной обстановке не бывает, то будет ясно, что об'ективные причины ошибок восприятия в жизни играют более серьезную роль, чем при опытах. Затем, при опыте первичные показания давались сейчас же, после обозрения картинок, а вторичные—вскоре после первичных, тогда как судебным свидетелям приходится давать показания через гораздо более продолжительный промежуток времени, и потому у них впечатления оказываются обыкновенно сильно потускневшими. Наконец, при опыте исключена возможность аффекта, пристрастия, в сторону симпатий или антипатий, внушения или других эмоционально-суб'ективных проявлений, которыми обыкновенно окрашиваются судебные показания.

Но зато в некоторых отношениях обстановка искусственных опытов менее благоприятна, чем действительная жизнь. Прежде всего опыт — как-никак есть фикция, которая не может достигнуть силы реальной обстановки, и даже „присяжные“ показания едва ли сравнимы в опытах и на суде. Затем в картинах, служащих об'ектом наблюдения в

опытах, нет сопутствующих условий жизненной обстановки, — движения, шума, звуков, дополняющих зрительные впечатления всякой действительности. И наконец, реальные события находятся между собою в логической связи, которая облегчает их запоминание.

Таким образом, опыты имеют свои выгодные и невыгодные стороны. Но едва ли можно сомневаться в том, что первые преобладают, и таким образом следует признать, что опыты дают в результате минимум ошибок, возможных в показаниях свидетелей по поводу событий действительной жизни.

Опыты Штерна привлекли к себе внимание широкого круга исследователей. Подобные опыты, с теми или иными различиями, были повторены в разных местах и разными исследователями: Бине, Вешнером, Минеманом, Борстом, Дугалем и др., между прочим, у нас, в России — Елистратовым и Завадским (авторами работы „К вопросу о достоверности свидетельских показаний“, 1904).

Опыты производились в двух направлениях, сообразно двум главным органам, посредством которых мы воспринимаем окружающий нас внешний мир — оптические и акустические.

Вместо картинок, многие экспериментаторы прибегали к специально подстроенным и тщательно срепетованным сценам, которые неожиданно разыгрывались на глазах непредупрежденных участников. Такою постановкою опыта имелось в виду более приблизиться к естественным условиям живой действительности.

В этом отношении интересен опыт, произведенный проф. Листом. Во время практических занятий по уголовному праву у проф. Листа, в одной из аудиторий берлинского университета, разыгралась трагическая сцена: один из присутствовавших студентов, оскорбленный резким замечанием товарища, бросился на него с угрожающими словами и сжатыми кулаками; оскорбитель вытащил из кармана револьвер и направил его на нападающего; профессор схватил его за руку, и револьвер в дрогнувшей руке дал осечку. Никто из присутствовавших студентов, кроме участников сцены, не подозревал в ней искусно сложенного эксперимента; не подозревали они этого и в то время, когда давали письменные показания о происшествии, произведшем на окружающих весьма сильное впечатление. Результаты этого опыта были следующие.

Показания давали 14 человек. Количество неверных показаний колебалось у отдельных очевидцев между 28% и 80%, общего количества данных показаний, причем только трое из 14 свидетелей дали менее половины неверных показаний, а у остальных 11 человек неверные показания

превышают 50%. Если разделить все происшествие на подготовительную часть его (начало ссоры) и бурную часть (нападение), то показания, относящиеся к последней, оказываются значительно более неверными, чем показания, относящиеся к первой, а именно: процентное количество неверных показаний, по мере приближения к заключительной части происшествия, возрастает, давая минимум 42,8% и максимум—114,3%. Это резкое возрастание неверных показаний, относящихся ко второй драматической половине опыта, показывает, что чем больше очевидец охвачен совершающимися на его глазах событиями, чем больше он потрясен, взволнован, увлечен перипетиями происшествия, — тем менее достоверны его воспоминания о воспринятом и пережитом. Число ошибок, достигающее 114,3%, указывает, что не только каждая из деталей происшествия была воспроизведена неправильно, но, кроме того, было воспроизведено еще некоторое количество деталей, вовсе не имевших места в действительности.

Тем же профессором Листом был произведен другой опыт акустического характера. В семинарии его группы студентов был прочтен случай из уголовной практики; один из слушателей тотчас рассказал его второй группе; далее один из ее членов — третьей группе; и наконец, лицо, входившее в состав последней, передало только что слышанное им четвертой группе. „Эта последняя передача, замечает Лист, представляя полное искажение сообщенного случая, как в целом, так и во всех его существенных элементах, дала уже уничтожающую критику свидетельства по слухам“.

Другой инсценированный опыт был сделан проф. бреславского университета Липманом. Во время его лекции (аудитория состояла из рабочих), в 8¹⁵ ч. утра, за 15¹⁵ часа до окончания лекции, кто-то постучал в дверь. Липман ответил — войдите. Входит дама и говорит с ним шопотом. Липман ответил громко: „Но теперь мне некогда; ты можешь, ведь, меня подождать, я сейчас кончу“. — „Ну, так я могу здесь подождать“, — говорит дама. — „Пожалуй, садись там; только сиди тихо“. Дама берет с кафедры книжку, садится на переднюю скамью слева, с краю около окна, облокачивается на обе руки и читает взятую с кафедры книгу до 8 ч. 55 м. Вдруг она говорит: „Тут ужасно жарко, нельзя ли открыть окно“. Встав, она берется за ручку оконной рамы, Липман говорит: „Нет, оставь, здесь вовсе не жарко“, — и обращаясь к аудитории не правда ли? — „Мне здесь жарко, лучше я подожду на дворе“. Она быстро выходит, сунув книжку в карман юбки.

Через 3 дня Липман предложил своим слушателям рассказать, что они заметили во всей этой сцене с дамой. Их рассказ он дополнил листом допросов, касающихся

различных подробностей сцены и внешнего вида дамы. Определенные ответы (сюда относятся „не знаю“) отмечались как целая единица, „неопределенные (также „я полагаю“), как $\frac{1}{2}$, каждое двойственное показание („или“), часть коего верна, другая неверна, отмечалось как $\frac{1}{2}$ верной и $\frac{1}{2}$ неверной. После сводки этих данных Липманн получил ряд выводов. На вопрос: „взяла ли дама что-нибудь с кафедры“—самый важный с точки зрения юридической—получилось 2 „не знаю“ и ни одного верного ответа. Степень знания (т. е. верных показаний из общего числа) выразилась цифрой 67%, степень достоверности памяти (т. е. верных показаний из общего числа определенных)—84%. Этот же опыт показал, насколько добровольные показание достовернее, т. е. заключают меньше ошибок, чем ответы на вопросы.

Специальное исследование психологии детских показаний произведено проф. Марксом Лабзиным в опытах его над учениками и ученицами народных школ г. Кия. В ответах принимали участие 369 мальчиков и девочек в возрасте 9-14 лет. Опыты относились к восприятию впечатлений различными органами чувств. Перед испытуемыми ставились рисунки и от них отбирались ответы о том, что они видели (зрительные впечатления); ставится стакан с чистой водой, в который наливается жидкость с запахом, и испытуемые отвечают, чувствуют ли они запах и какой (обонятельные впечатления); экспериментатор делает вид, что будто бы капнул в стакан с водой малиновое варенье, и каждый при помощи деревянной палочки берет себе на язык каплю воды из стакана (внушение вкусовых ощущений); детям прочитывают четыре группы слов по 10 слов в каждой (слуховые впечатления); наконец, опыт состоял в отобрании ответов по поводу театрального представления небольшой пьесы, на котором присутствовали ученики и ученицы народных школ.

Все эти опыты имели целью выяснить: различные типы памяти и восприятия и влияние их на точность в репродукции предметов, которые видел ребенок, или событий, которые он пережил; далее, их целью было определить, насколько и как достижимо внушение в сфере вкусовых и обонятельных ощущений. Главная же задача этих опытов сводилась к исследованию верности и свежести памяти у детей различных возрастов.

Результаты опытов получились следующие:

В ответах на вопрос, „сколько вещей ты видел“ (на картинке), по крайней мере в половине заявлений получилась цифра, которая часто весьма значительно превышала действительное число изображенных на рисунке предметов; при этом у младших учеников эта цифра была больше, нежели у старших, а у мальчиков преувеличение встречалось чаще, нежели у девочек. Следует отметить, что легче всего

дети запоминали вещи, которые им особенно интересны, как напр., для мальчиков—молоток и нож, для девочек—катушка и шляпа. Также проявляются различия в показаниях детей, связанные особым направлением интересов и склонностей в том или ином возрасте. Характерное различие в показаниях обоих полов обнаруживается также в том, что мальчик обращает больше внимания на все реальное, крепкое, сильное; ему мальчик-рыболов на картинке представляется толстым, здоровым, на голове у него меховая шапка, на панталонах заплата, и т. д. Совершенно иное—в показаниях девочек: они говорят о прелестном миловидном мальчике, с веселым лицом, в светло-красном платье, в белых башмаках, в бархатной куртке, глаза у него голубые и т. д.; словом, мальчик здесь идеализируется в смысле нежности, красоты и нарядности.

Далее, опыты показывают, что главная сумма верных показаний соответствует приблизительно возрасту 12 лет; до и после этого возраста число таких показаний заметно уменьшается. Опыты относительно восприимчивости детей к внушению ограничивались только исследованием областей вкусовых и обонятельных ощущений. При этом оказалось, что мальчики (в возрасте 11—12 лет), в 15—16 случаях из 44 утверждали, будто ощущают указанный экспериментатором вкус или запах. Нового обонятельного или вкусового ощущения они не придумали ни разу. У девочек фантазия участвует несравненно больше в определении мнимых ощущений. В общем, подверженность девочек внушению обратно пропорциональна возрасту, причем в области обонятельных впечатлений внушение дольше сохраняет свою силу над ребенком, нежели это наблюдается при опытах со вкусовыми раздражениями.

Интересны опыты с показаниями числового характера. На вопрос о числе домов на рисунке (на рисунке были 4 дома), дети указали правильно в 93 случаях из 369, на вопрос о числе коров на рисунке (их было в действительности 10), правильно было указано только в 57 случаях, причем девочки почти всегда уменьшали число коров, а мальчики, напротив, в весьма многих случаях обнаруживали тенденцию к преувеличению, нередко весьма значительному (до 200). В общем преувеличения составляют приблизительно 12% всех показаний. В итоге 6259 случаев, число коров было уменьшено, в 56 указано правильно, в 30 преувеличено, что составляет 70%, 15%, 12%. Отношения между показаниями обоих полов выражаются:

	Меньшее число	Верное число	Большее число
Мальчики	28%	7%	10%
Девочки	23%	31%	2%

В ответах на вопрос относительно расстояния, дети самого младшего возраста гораздо чаще уменьшали расстояние, нежели преувеличивали его или определяли правильно. Что касается девочек, то они не дали ни одного хотя бы приблизительно правильного ответа: все они значительно уменьшали расстояние.

IV.

После появления первой монографии Штерна, с описанием произведенных им опытов, значение их сделалось настолько очевидным и необходимость дальнейших опытов в этом направлении настолько была признана, что с 1903 г. в Германии начал издаваться под ближайшим руководством известных профессоров Листа и Гросса специальный журнал под названием „Beiträge zur Psychologie der Aussage“, поставивший себе целью — содействовать накоплению опытов в столь возможно большем количестве и с наибольшим разнообразием методов и объектов, — для того, чтобы обеспечить возможность широких и разносторонних выводов в области, так сказать, переоценки ценностей свидетельского показания. До сих пор вышло 8 выпусков этого журнала. Кроме представителей науки экспериментальной психологии, наиболее призваны содействовать накоплению фактов в этом направлении юристы, судебные деятели, для которых эти опыты и выводы из них имеют огромный практический интерес.

Один из таких опытов, весьма интересный по широкому замыслу и обещавший богатые результаты, был произведен в 1904 г. в Ленинграде, по инициативе и при ближайшем участии пишущего эти строки, состоявшего тогда редактором журнала „Судебное Обозрение“, группой русских юристов и психологов. Он заключался в следующем.

В Ленинграде весной 1904 г. гастролировала труппа Московского Художественного театра, дававшая в нескольких спектаклях шекспировскую пьесу „Юлий Цезарь“. Воспользовавшись тем, что тысячи ленинградцев разных полов, возрастов, образования и развития, присутствовавших на этих спектаклях, были очевидцами представленной в этой пьесе сцены убийства Юлия Цезаря, редакция „Судебного Обозрения“ опубликовала в газетах, после последнего спектакля этой пьесы, обращение к публике с приглашением прислать письменные ответы на ряд вопросов, относящихся к этой сцене убийства. В выработке этих вопросов и в установлении условий анкеты принимали участие, между прочими, члены Ленинградского Психологического Общества — проф. академик Бехтерев, приват-доцент Розенбах,

проф. Стороженко, Дриль и многие видные представители прокуратуры и адвокатуры, между ними проф. угол. права Фойницкий, прис. повер. Грузенберг, Гольдштейн, Миرون и др. Всех вопросов было 15, и они относились к разным моментам совершения убийства и к различным подробностям обстановки, в которой совершилось убийство *).

В анкете предлагалось, кроме ответов на указанные вопросы, дать сведения о возрасте, поле, звании или профессии отвечающего, и, кроме того, подчеркнуть те ответы, в правильности которых отвечающий настолько убежден, что согласился бы подтвердить их под присягой, если бы дело шло на суде.

Для проверки правильности ответов, в распоряжении редакции имелся подробный сценарий сцены убийства, предоставленный ей режиссером Художественного театра — В. И. Немировичем-Данченко, при участии которого предполагалось установить степень соответствия каждого из ответов действительному положению вещей на сцене, т. е. имела ли место, так сказать, достоверная действительность, с которой могли быть сверяемы свидетельские ответы. Затем предполагалось полученный материал, обработанный по определенной системе статистической сводки данных, подвергнуть освещению со стороны их психологических основ и выводов в соединенном заседании членов Юридического Общества и Общества экспериментальной психологии, под председательством проф. Бехтерева.

*) Вопросы эти были следующие:

- 1) Кто первый нанес удар Цезарю?
- 2) Где стоял по отношению к Цезарю нанесший ему первый удар и в какую часть тела удар был им нанесен?
- 3) Были ли удары наносимы Цезарю только около кресла, на котором он сидел, или в другом месте?
- 4) Как упал Цезарь (вниз лицом, вверх лицом или на бок) и куда голову (к зрителю или к задней стене декорации)?
- 5) Сколько (числом) приблизительно лиц наносило удары Цезарю?
- 6) Сколько ударов нанес Брут Цезарю и в какую часть тела?
- 7) Что сделал Цезарь прежде, чем упал?
- 8) Был ли Марк Антоний в зале сената до убийства Цезаря?
- 9) В чем выразилось смещение сенаторов при убийстве Цезаря?
- 10) Каков был внешний вид и размер оружия, которым наносились удары Цезарю?
- 11) Какие предметы валялись и другого рода находились в зале Сената?
- 12) Сколько дверей было в зале сената?
- 13) Что стояло возле кресла Цезаря?
- 14) Кроме сенаторов, находились ли другие лица в зале сената и если находились, то кто именно?
- 15) Перечислить, какие цвета замечены в одеяниях присутствовавших в сенате лиц.

Всего поступило по анкете 505 сообщений, составлявших в общем 7575 отдельных ответов.

Отвечавшие (почти исключительно лица интеллигентных профессий) обнаружили в своих сообщениях в высшей степени серьезное, сознательное отношение к предпринятому опыту. Многие из них, не ограничиваясь ответами на предложенные вопросы, сопровождают свои показания весьма ценными и интересными указаниями о психическом состоянии свидетелей при даче ими показаний на суде, фактами из своего опыта, свидетельствующими о субъективизме человеческой природы, соображениями, касающимися процессуального значения личных свойств свидетеля и необходимости для суда ознакомиться с личностью свидетеля и некоторых других вопросов, затрагивающих основы процесса.

К сожалению, по разным случайным причинам и обстоятельствам, обработка материала осталась незаконченной, и самый материал впоследствии был затерян. Подробности анкеты были напечатаны в одном из выпусков журнала „Beiträge zur Psychologie der Aussage“, и профессор Штерн с большим интересом ждал результатов опыта, на которые он возлагал большие надежды и в ожидании которых, как он писал редактору „Судебного Обозрения“, он приостановил выпуск в свет второго издания своей книги, предполагая дополнить ее данными этого опыта; в Германии, родине теории психологии свидетельских показаний, он много раз добивался подобного опыта, но осуществить его ему не удалось.

V.

Мы не можем подробно останавливаться на других опытах и на полученных интересных результатах. Отметим только некоторые общие, наиболее существенные выводы, основанные как на этих опытах, так и на наблюдениях психологов, врачей и юристов, судебных деятелей, сделанных в клиниках и в судах.

По существу своему, свидетельское показание должно представлять собою объективное воспроизведение какого-либо события или впечатления, воспринятого каким-либо органом чувства. Для этого необходимо, во первых, чтобы данный феномен вызвал соответствующее раздражение органов чувства (способность к восприятию); во вторых, чтобы полученное впечатление было удержано нашим нервно-психическим аппаратом (способность запоминания); и наконец, в третьих, чтобы память могла восстановить его в том самом виде, в каком феномен произошел в действительности (способность репродукции).

В функциях этих трех психических способностей, которые необходимы человеку, чтобы давать свидетельские показания, или в одной из них могут оказаться отклонения от нормы, аномалии, не только благодаря душевным болезням и смежным с ними болезненным состояниям, но и вследствие многих несовершенств, нормально свойственных нашим психическим способностям.

Интересны данные относительно влияния душевных болезней на качество свидетельских показаний дают клинические наблюдения проф. геттингенского университета Крамера *). Болезненное состояние психики может сказаться на способности субъекта к восприятию действительности. Встречаются такие душевно-больные, которые склонны к некоторым иллюзиям чувств: у них могут возникать иногда такие ощущения, которым нельзя найти объяснения ни в каком внешнем раздражении и которые, несмотря на это, не менее реальны для этих больных, чем любое действительное впечатление. Далее, у душевно больных могут сказываться известные аномалии памяти, вследствие чего свидетельское показание представляет весьма небольшую или даже отрицательную ценность, т. е. воспринятые впечатления в значительной степени забыты. Наконец, может быть нарушение способности репродукции впечатлений: воспринятое впечатление может быть настолько тесно переплетено с идеями чисто патологического свойства, что, воспроизводя его, свидетель вовсе не передает то, что было в действительности, или в силу нарушений ассоциативной связи, больной оказывается неспособным воспроизвести то именно, что он желает воспроизвести.

Огромная категория лиц находится на границе психической болезни. К этой категории, как указывает Крамер, принадлежат те больные, центральная нервная система которых в силу какой либо причины пострадала с той или иной стороны. Такое состояние может быть прирожденным или приобретенным; чаще всего мы наблюдаем то и другое одновременно. Можно сказать, что на границе болезни стоят те лица, которых нельзя назвать ни психически больными, ни душевно-больными.

В частности, наиболее важное значение для судебной практики, поскольку ей приходится иметь дело с свидетельскими показаниями, имеют такие часто встречающиеся нервные болезни как эпилепсия, истерия, неврастения, алкоголизм. Эпилептик во время припадка воспринимает все как бы во сне, в форме иллюзий; когда сознание возвращается к нему, он принимает эти мнимые впечатления за нечто

*) См. сборник „Проблемы психологии“, вып. 1, 1905 г.

такое, что будто бы пережито было им в действительности. Это бывает по преимуществу тогда, когда, несмотря на нарушение сознания, больной сохраняет хотя бы отчасти память о том, что произошло. Так как, в промежутки между припадками, так называемый „психически здоровый эпилептик“ вполне обладает сознанием и едва ли чем либо отличается от нормального человека, то понятно, насколько ненадежным свидетелем является он на суде, где ему может притти в голову рассказывать о том, что воспринял он в болезненном состоянии. Между тем судья не обязан, да и не имеет повода спрашивать всякого свидетеля, страдает ли он эпилепсией, истерией или какой-нибудь подобной болезнью. Вообще, по наблюдениям Крамера, у эпилептиков замечаются некоторые моральные дефекты и склонность ко лжи.

Истерия чаще всего встречается среди женщин. На свидетельских показаниях истерия обыкновенно отражается прежде всего известными аномалиями в сфере репродукции. Истерики отличаются обыкновенно чрезвычайно живым, подвижным воображением, вследствие чего они часто не могут различать действительно пережитого от того, что произошло только в их голове. Они очень склонны смешивать материал действительно воспринятого события с тем, что они слышали о нем от других, или прочитали в газетах, или сами думали, или делали предположения по поводу этого события. В особенности у истериков возбуждается воображение в торжественной обстановке суда, где у них является потребность придавать своему рассказу особую значительность. Они часто подвержены временным нарушениям сознания, при которых они принимают за действительность иллюзорные впечатления, подвергающиеся притом в их болезненной фантазии еще дальнейшей переработке, так что нередко истерик *bona fide* добросовестно выступает с самыми тяжелыми обвинениями против известных лиц. Чаще всего это встречается у женщин-истеричек, выступающих с обвинениями о мнимых покушениях на их целомудрие, которые они описывают со всеми деталями. Практика знает много случаев подобных лживых изветов со стороны истеричек (например, о причинении беременности в то время, как судебные-медицинские исследования обнаруживают сохранение девственности).

Наиболее часто суду приходится иметь дело с свидетелями-алкоголиками. Крамер утверждает, что у многих пьяниц при несомненном прямодушии оказывается пораженной сфера нравственных понятий и наблюдается резко выраженная склонность ко лжи, причем у некоторых интеллектуальные способности так понижены, что они сами верят в конце концов собственной лжи. Само собою разумеется,

что у хронических алкоголиков их недуг отражается с течением времени весьма сильно на их критическом смысле и на способности суждения. Кроме того, у хронических алкоголиков весьма скоро слабеет память, так что свидетельские показания подобных субъектов—в особенности, после долгих промежутков времени с момента события—теряют значительную долю своей ценности.

Неврастения в своей чистой форме представляет собою состояние хронического утомления. Обычно неврастения сопровождается вялостью, отсутствием интереса к окружающему, пассивностью. У неврастеника все душевные способности более или менее понижены. Понятно, что при таком состоянии свидетель не способен фиксировать свое внимание и точно воспринимать. Хотя вообще неврастеники вполне способны давать правильные свидетельские показания, тем не менее в тех случаях, когда неврастеник дает показание отрицательного характера, т. е. говорит, что он не заметил, не видел и не слышал,—этому не следует придавать большого значения.

VI.

Указанные болезненные состояния, хотя встречаются в жизни весьма часто, гораздо чаще, чем мы это себе представляем,—все-таки выходят за норму психического состояния обыкновенного, „среднего“ свидетеля, и влияние их на качество свидетельских показаний может быть большею частью фиксировано на суде обычными средствами медицинской экспертизы. Гораздо труднее распознать недостоверность показаний, происходящую от „нормальных“ дефектов нашего психического механизма, от естественного несовершенства наших способностей, служащих необходимыми орудиями для восприятия и воспроизведения прошлой действительности. Тут у суда не только нет никаких средств фиксировать наличие того или другого дефекта в психическом состоянии свидетеля и влияние этого дефекта на качество его показания, но большею частью нет даже подозрения, что эти дефекты и это влияние имеются в данном случае перед лицом правосудия.

Всякое свидетельское показание основывается на усилении памяти воспроизвести то, на что было обращено внимание в прошлом. Но внимание есть орудие восприятия весьма несовершенное, так как оно в своей силе и в своем действии непостоянно и подвержено многочисленным случаям влияния, а память с течением времени искажает запечатленные вниманием образы, которые часто „тускнеют“, „выцветают“, „выпадают“ и таким образом образуются в механизме памяти пробелы; в эти, так сказать, пустоты

памяти прокрадываются вымыслы, заблуждения, всякого рода продукты психических переживаний и логических aberrаций. Вследствие этого, воспоминание о бывшем факте не только не покрывает об'ективную действительность, оставляя в ней незаполненные места, но, кроме того, и вследствие того, часто преобразует ее, преломляя и окрашивая ее в аспекте различных суб'ективных представлений и умозаключений.

В частности, недостоверность свидетельских показаний зависит от: 1) предмета, к которому они относятся, 2) внешних условий, при которых свидетелем воспринимаются впечатления и затем воспроизводятся на суде в виде воспоминаний, и 3) индивидуальных особенностей лица, которое дает показания.

1. Об'ект свидетельских показаний. Свидетельские показания касаются всех мыслимых сторон бесконечно разнообразной действительности. Об'ектом их могут быть не только впечатления, воспринимаемые нашими органами чувства из реального мира и образуемые ими представления, но вместе с ними и в связи с ними также постигаемые нашим сознанием логические сочетания предметов и действий и определения их взаимоотношений во времени и пространстве, в степенях качества и количества и т. д. Очевидно, чем сложнее этот поток впечатлений и представлений, тем меньше наше внимание способно их охватить и тем труднее в процессе воспоминания их воспроизвести.

Акт восприятия не есть просто открытие дверей для внешних впечатлений, регистрируемых в сознании. Воспринятые впечатления немедленно подвергаются интенсивной и активной обработке: когда мы смотрим на рафаэлевскую картину Сикстинской Мадонны, перед нами только раскрашенная плоскость, а мы воспринимаем фигуру, облака, складки—пластически. К этому присоединяются наши знания и представления о культе Мадонны, настроения и мысли, связанные с Рафаэлем и первой эпохой Ренессанса и т. д.— все это, может быть безсознательно, соединяется в особый комплекс впечатлений, и невозможно выделить, что получено непосредственно из картины и что присоединилось к этому из нашего интеллекта и нашей психики.

Таким образом, каждая новая петля в сети нашего опыта присоединяется к прежнему накопленному богатству, и получается процесс, который известен в психологии под названием *аперцепции*.

Часто аперцепция исправляет впечатление, чтобы получить об'ективно верную картину. Когда мы смотрим на длинную аллею, то деревья кажутся, чем дальше, тем ниже; но, руководствуясь опытом, мы исправляем эту оптическую ошибку и достигаем того, что нам не легко возвратиться к

к непосредственному впечатлению. В этой необходимости присоединить к непосредственному впечатлению данные опыта и суб'ективные представления лежит источник многих ошибок восприятия. Это демонстрируется в опытах Штерна, в которых обнаруживаются об'ективные и суб'ективные причины, порождающие ошибочность показаний.

Одна из об'ективных причин, порождающих ошибки восприятия, имеется налицо тогда, когда впечатление неясно, коротко или исполнено пробелов, напр., если некоторые предметы прикрыты (три картины из четырех—под мышкой художника) или открыта только одна сторона предмета и притом непривычная (напр., боковая сторона пианино), или когда не достает красок, которые поэтому произвольно восполняются свидетелем в его описании (напр., красный диван художника, красный жилет мальчика и т. д.). Там, где исчезают нюансы и контуры (напр., в мебели позади дивана художника), сразу появляется масса ошибок. Конечно, в опытах неясность нюансов и контуров наблюдаемых предметов играет гораздо меньшую роль, чем в реальной жизни, потому что, как это уже было выше указано, в опытах наблюдающий может передвигать картину, приспособлять ее к той или другой части сетчатки глаза, между тем как в жизни мы видим только ничтожную долю того, что представляется нашему взору, только то, что ясно воспринимается частью сетчатки, обращенною к предмету, а большая часть горизонта воспринимается соседними частями сетчатки лишь в неясных очертаниях.

Наиболее часты ошибки суб'ективного характера, ошибки при воспроизведении предметов путем воспоминания. Тут мы стоим перед одним из самых трудных и темных психологических вопросов: каково содержание воспоминания? Принято думать, что оно есть копия первоначального опыта, отличающаяся от него меньшею интенсивностью красок и меньшею ясностью очертаний. Современная психология устранила эту фотографическую теорию. Каждый из нас легко может убедиться, насколько неполны и неточны наши воспоминания, наши представления о таких предметах, которые кажутся нам близко знакомыми, которые постоянно находятся перед нашими глазами, которые ежедневно, еже часно, останавливают на себе наш взор. Попробуйте воспроизвести в своей памяти фасад дома, в котором вы живете или обстановку или отдельные ее предметы в вашей квартире,—вы заметите, что как ни кажутся вам знакомы эти предметы—воспоминание ваше о них не идет далее грубого представления о главных очертаниях этих предметов. Только немногие особенно одаренные натуры способны к точной „визуализации“, т. е. воспроизведению контуров, красок, теней (напр., художники). Большинство же

людей обречено на суррогаты точных копий. Эти суррогаты могут быть конкретные или абстрактные. Конкретные заключаются в оптических остатках и обрывках картин, мускульном чувстве (открытие новейшей психологии), в слуховых представлениях шумов, звуков, слов. Последние особенно важны, как вспомогательные средства для памяти. Память слов может служить источником ошибок. Слова имеют много значений, отсюда ошибки. Возьмем в опыте с картинкой—диван, на повозке художника. Форма и вид его не сохраняется в памяти, слово же остается; когда слово это всплывает, мы ищем соответствующей конкретной действительности, которая однако вовсе не совпадает с данной. И вот мы встречаем неожиданные определения: „темный в цветах диван, с полосатой спинкой“. Слово, как источник ошибок, имеет особенное значение, когда показание повторяется несколько раз (свидетель вспоминает не виденное, а слова и выражения, в которых он давал прежнее показание), или когда свидетели друг другу рассказывают о предмете показаний, или когда в форме вопроса и ответа употребляется одно и то же выражение, но в различных смыслах.

Кроме этих конкретных элементов, ошибки создаются отвлеченными понятиями и обобщениями. Диван в следующем показании превращается в куль, на котором сидит жена художника. Очевидно, в памяти остается не образ, а обобщение—„было что-то для сидения“, а этому обобщению искусственно подсовывается куль.

Таким образом суррогаты—оптические остатки, слова и абстрактные суждения образуют почву для разнообразнейших подставок при воспоминании, которое лишь в незначительной степени покоится на непосредственном восприятии впечатления. Картина этого процесса весьма ярко изображена д-ром Бернштейном в следующих словах:

„Чем смутнее и расплывчатее представление, тем энергичнее вступает в свои права дополняющая и исправляющая творческая работа; пустые места населяются созданиями воображения, ускользающие отношения воссоздаются сообразно общему содержанию события, полузабытые слова восстанавливаются соответственно сохранившемуся воспоминанию о стиле, более отчетливо сохранившиеся подробности пристегиваются наудачу к несоответствующим пунктам или моментам события. К обрывкам собственного воспоминания о событии пристают обрывки слышанного о нем же от других, одеваясь в столь обманчивую оболочку реальности, что нет возможности отделить виденное непосредственно от слышанного со стороны; на место неуловимой правды подставляется воображаемое правдоподобие; то, что было, уступает место тому, что могло быть. Воспоминания о

событиях, близких друг к другу по времени, сходных по содержанию или связанных одним чувством, часто сливаются в одно, обмениваются подробностями, до известной степени обобщаются, суммируясь в аналогичных и типичных чертах, ущербляясь в случайных, несущественных, единичных деталях. В этом отношении в каждом из нас совершается тот же бессознательный творческий процесс, который приводит поэта и художника к уловлению общественных настроений, начертанию художественных типов, созиданию произведений искусства“ *).

Одна из трудностей и опасностей, с которыми суду приходится постоянно иметь дело, даже при допросе безусловно достоверных свидетелей,—это смешение выводов с непосредственным восприятием. В каждом восприятии, в каждой передаче воспринятого факта необходимо участвует умозаключение, и вот это умозаключение, делая те или другие выводы из воспринятого, может внести в свое восприятие или воспоминание моменты, на деле вовсе отсутствовавшие. Часто выводы из воспоминания порождают у вспоминающего другое мнимое воспоминание. Явление это не из ряда вон выходящее, а принадлежит к числу обыкновеннейших погрешностей в показаниях. В сущности говоря, мы делаем целый ряд выводов всякий раз, когда мы что-нибудь утверждаем. Известный криминолог Ганс Гросс в свой „Kriminalpsychologic“, 1898, иллюстрирует это положение следующим примером: „Когда я заявляю „там стоял стакан“, то я при этом делаю в уме ряд выводов, подтверждающих это мое заявление; чтобы полностью передать всю концепцию выводов, приводящих меня к утверждению, что там стоял стакан, я должен был бы сказать так: „в виду того, что я не замечал, чтобы я страдал галлюцинациями и, насколько мне известно, не находился ни в каком другом болезненном состоянии; так как, далее, я не имею оснований предполагать, чтобы кто-либо, посредством оптического обмана или иных каких физических фокусов, создал во мне иллюзию стакана, или чтобы на столе находилась столь художественная живопись, чтобы я мог принять нарисованный стакан за настоящий; и так как, наконец, нельзя думать, чтобы живущие в том доме употребляли стаканы из горного хрусталя,—то я, кажется, вправе предположить, что то, что я видел на столе, был обыкновенный стакан“.

Собственное умозаключение не единственный путь, которым мнимые впечатления заполняют пробелы памяти или вытесняют истинные впечатления. Таким же привходящим элементом, оказывающим влияние на наше восприятие

*) Проф. А. Бернштейн: „Воспоминание и действительность“, в сборнике „Проблемы психологии“. 1905 г.

и воспоминание о воспринятом, может явиться чужое мнение по поводу воспринятого нами факта. Такое влияние сказывается, между прочим, когда впечатления о том, что мы сами видели или слышали, дополняются также и из другого источника, напр., из беседы с другим очевидцем того же факта. Если, предположим, несколько человек, присутствовавших при каком-нибудь происшествии, после того разговаривают о нем между собою, то возможно и вероятно, что некоторые из них некоторое время спустя будут думать, будто они видели или слышали то, чего они сами не видели и не слышали, но о чем другие рассказывали как о виденном и слышанном, т. е. их первоначальные собственные воспоминания под влиянием этих рассказов подвергнутся, незаметно для них, изменению и исправлению в том отношении, что некоторые элементы их утратятся и в них вступят новые элементы. К этой же категории принадлежит и влияние чтения частных сообщений, напр., газетных сообщений, которые так же могут оказать воздействие на содержание воспоминаний свидетелей, изменяя их внутренними дополнениями или исправлениями и создавая таким образом иную концепцию элементов в воспоминании и иное содержание свидетельского показания, чем это было бы, если бы память свидетеля не подвергалась воздействию от прочитанного газетного сообщения.

Сюда могут относиться еще и другие воздействия. между прочим, сравнительно редкие явления, как приводимое Бентамом — смешение сновидения с действительностью или весьма обычное, хотя уже граничащее с ненормальностью, окрашивание свидетелем происшедшего под влиянием образов, созданных мечтаниями или вообще воображением, или кристаллизация в виде воспоминаний того, что было предметом постоянных напряженных размышлений, словом, случаев, где действительность перемешивается с творчеством и истина с вымыслом.

2. Внешние условия. Весьма большое значение имеют условия, при которых происходит восприятие впечатлений и последующее воспроизведение их в памяти. Прежде всего, в зависимости от степени внимания, различна сила впечатления: если человек интересуется событием, то, конечно, оно произведет на него более сильное впечатление, живее возбудит его внимание и точнее может быть им воспроизведено, чем тогда, когда он равнодушно относится к данному событию или является совершенно случайным его свидетелем.

Затем большое влияние на полноту и яркость восприятия представляют различные аффективные состояния, как такие, которые вызваны самим восприятием, так и те, которые случайно с ним совпали. Состояние сильного аффекта —

под влиянием страсти, возбуждения, раздражения, чувства страха—мешает об'ективному наблюдению, связывает, „притупляет“ или ненормально „обостряет“ наблюдательную восприимчивость, и вследствие этого получается извращение действительности как при первоначальном восприятии впечатлений, так и при передаче воспоминаний о пережитом.

„Известно,—говорит проф. Бернштейн, как волнение извращает представление о происходящих событиях, как нарастают иллюзорные наслоения по мере усиления возбуждения зрителя. Говорят, у страха глаза велики; миновавшая опасность измеряется не по своей об'ективной ценности, а по интенсивности испытанного страха, который в свою очередь мешал беспристрастно уловить и закрепить подробности действительной картины—чувство радости и скорби, гнев и отчаяние одинаково туманят глаза и застилают уши, нашептывая свои речи, навевая свои образы. Надежда и желание, ожидание и предвкушение, вся гамма неопределимых словами чувствований вносит в переживаемую действительность свою поправку, которая фиксируется рядом с ней, поверх ее, часто вопреки ей. Симпатия или антипатия к тому или иному из участников события, предвзятое мнение об его общем характере—все это не только мешает беспристрастности и полноте наблюдения, но заставляет усматривать в нем, влагать в него то, что хотелось бы в нем видеть. Стоит лишь вспомнить историю многих научных увлечений или вернее заблуждений, чтобы убедиться в справедливости сказанного *).

Самым важным фактором извращения истины является внушение и самовнушение. Термин „внушение“ долго имел, по преимуществу, патологический смысл; однако, в настоящее время все более распространяется убеждение, что внушение—как воздействие на суб'екта, происходящее помимо его воли и вне его сознания, играет чрезвычайно важную роль и в нормальной жизни. В сущности говоря, все мы живем под влиянием внушения, т. е. под влиянием идей и чувств, внушаемых окружающей социальной средой, классовыми, сословными интересами и инстинктами, общими понятиями и представлениями, господствующими в данную эпоху и в данной стране или национальности. Этому влиянию мы поддаемся без участия нашей воли, помимо нашего сознания, не подозревая вовсе, что мы в своей умственной и эмоциональной психике являемся пассивными об'ектами внушения **).

*) „Воспоминание и действительность“ в Сборнике „Проблемы психологии“.

**) Есть люди, которые чрезвычайно подвержены внушению. В особенности самовнушению. Типичные черты такой впечатлительности к внушению и самовнушению можно найти в некоторых персонажах художественных произведений. напр., в Донкихоте. Тартарене Дове, Пьер Понте Ибсена.

К этому нормальному, естественному, внушению и самовнушению часто прибавляется особенное специальное внушение при свидетельских показаниях, даваемых на суде. Часто судьи и стороны, добиваясь от свидетеля нужного им ответа, понемногу вызывают в нем внутреннюю уверенность, что он знает то, о чем он до настойчивых вопросов ничего не знал. Допрашиваемый свидетель легко поддается воздействию внушаемых ему при допросе представлений об обстоятельствах, которые служат предметом его показаний, часто не имея в себе достаточной уверенности, потому что в момент наблюдения и восприятия впечатлений свидетель, большею частью, случайный очевидец, обыкновенно не придает никакого значения замеченным обстоятельствам и не старается твердо запечатлеть их в памяти, не ожидая и не предполагая, что впоследствии ему придется их воспроизвести в точности, по требованию суда. С другой стороны, допрашивающие — судьи, обвинители, защитники, благодаря предвзятому и одностороннему, в интересе обвинительном или защитительном, подходу к этим обстоятельствам, невольно изменяют бывшую действительность, преломляя ее в соответствующем их желаниям освещении и направляя представления о ней в сторону желательных для них ответов свидетеля. Подлинная же картина того, о чем допрашивается свидетель, неизвестна никому из участвующих в суде и никогда не может быть восстановлена полностью, как всякая картина прошлого.

Наблюдения показывают, что допрос свидетелей на судебном следствии дает такой простор внушению, что часто истина видоизменяется, неожиданно для самого свидетеля. В опытах Штерна целая четверть всего количества полученных ответов указывает на предметы, которых в действительности вовсе не было и присутствие которых было внушено испытуемым исключительно вопросами экспериментатора. Вообще, как удостоверяется многими опытами, свободный связный рассказ свидетеля дает значительно меньший процент ошибочности, чем ответы на вопросы. В опытах Штерна ошибки в самостоятельных показаниях, данных непосредственно после впечатления, составили 5%; при допросе же, который затем был произведен — 30%. Это объясняется тем, что при связном рассказе свидетель передает лишь то, что он твердо запомнил, при ответах же на предлагаемые ему вопросы он вынуждает себя сознательно или бессознательно восполнять пробелы в своих воспоминаниях и поэтому легче и чаще впадает в невольные ошибки; кроме того, всякий обращенный вопрос, в какой бы объективной форме он не излагался, является до известной степени наводящим и в большей или меньшей степени оказывает на свидетеля влияние внушения,

в особенности, в напряженной обстановке перекрестного допроса на суде.

Штерн делит наводящие вопросы, в зависимости от степени содержащегося в них элемента внушения, на шесть родов.

1. К первому роду относятся вопросы, наиболее свободные от внушения—простые вопросы, начинающиеся словами: который, кто, где, почему и т. п. В этих вопросах „воздействие“ на свидетеля сводится к ближайшему ограничению того круга понятий, которые должны заключаться в ответе; сама же формулировка ответа всецело предоставляется отвечающему. Таков вопрос (в опыте с картинками): „какого цвета передник женщины“? обращенный к лицу, указавшему уже, что на картинке изображена женщина в переднике.

2. При вопросах второго рода свидетелю предоставляется выбор лишь между двумя ответами: „да“ или „нет“, как напр., когда его спрашивают: „была ли собака на картинке (или нет)“. Спрашивающий не обнаруживает своего мнения и дает свободу ответить—да или нет. Но уже здесь есть слабое внушение: дано предположение о факте, которого до вопроса, может быть, и не было в памяти свидетеля; и таким образом, в этой невинной форме заключается некоторое внушение утвердительного ответа.

3. Третий род включает в себе разделительный вопрос „или, или“. Таков вопрос: „было платье синее или желтое“? Внушение тут усилено, оставлена меньшая свобода выбора, внушено предположение, что другие цвета исключены; для того, чтобы свидетель отвечал: ни синее, ни желтое, а красное,—требуется значительная самостоятельность, которой очень многие лишены; тогда как на простой вопрос: „какого цвета было платье“?—они, может быть, ответили бы: „красное“.

4. Четвертый род вопросов, предоставляя выбор между двумя ответами, указывает, однако, в каждом данном случае на предпочтительность одного из них, либо положительного, либо отрицательного; напр.: „не изображен ли шкаф на картинке“? или еще более резко: „ведь шкаф изображен на картинке, не правда ли“? или наоборот: „разве на картинке изображен шкаф“? или „ведь на картинке никакого шкафа нет“? Тут имеется полное внушение.

5 и 6. К пятому и шестому родам относятся вопросы, при которых предполагается известным то, что на деле вовсе еще неизвестно; неправильное предположение это может заключаться либо в форме вопроса, когда свидетеля спрашивают, было ли А и Б, в то время как возможно, что кроме А или Б, было и В, Г, Д, либо в его содержании, когда спрашивают о свойствах А прежде, нежели

установлена сама наличность А; таковы вопросы: „белого ли цвета или красного передник женщины“?, между тем как вовсе не выяснено еще, что на картинке изображена женщина с передником и, кроме того, передник мог быть на самом деле вовсе не белого или красного цвета, а какого либо иного цвета; или вопрос: „разорвана ли была куртка мальчика“?—в то время, как на нем вовсе не было куртки. Тут влияние внушения выступает в весьма сильной степени и представляется весьма опасным, потому что ложное содержание вопроса создает ловушку для допрашиваемого, который легко попадает в нее, и попавшись, запутывается в ответах. Кто говорит а, должен сказать и б. „Какого цвета передник женщины“? Кто попался на удочку этого, вопроса, должен будет отвечать и на другие вопросы, касающиеся женщины и передника, хотя на самом деле, может быть, вовсе не было женщины или была другая женщина без передника.

Таким образом, вопросы по форме и содержанию могут обуславливать различные степени внушения, от степени безразличной до почти насильственной. К этому надо еще прибавить тон, в котором ставится вопросы—*c'est le ton qui fait la musique*. Самый опасный вопрос может быть поставлен тихим, нерешительным голосом, и самый невинный вопрос может быть задан в настойчивом тоне и может сопровождаться таким взглядом, что действует на психику допрашиваемого, вынуждая его дать желательный ответ.

Влияние внушения особенно резко сказывается у детей. В опытах Бине ученики народной школы дали в среднем на вопросы, связанные с сильным внушением, 7,9% неверных и 5,09% верных ответов, на вопросы со слабым внушением,—4,9% неверных и 8,09% верных ответов, между тем, как при отсутствии внушения, в среднем, дано лишь 2,9% неверных и 8,1% верных ответа. В опытах Штерна семилетние дети ответили под влиянием наводящих вопросов неверно на половину заданных им подобным образом вопросов, между тем, как при нормальных вопросах ошибочность показаний равна лишь 26%.

Судебной практике, еще задолго до опытов Штерна и других представителей экспериментальной психологии, было известно, какую большую опасность для правосудия представляют наводящие вопросы, как орудие добывания ошибочных показаний. Поэтому уже давно делаются попытки ограничить их применение в процессе. В английской судебной практике существует правило, согласно которому наводящие вопросы воспрещаются в допросе свидетеля той стороной, которая его вызвала, но допускаются в передопросе свидетеля, вызванного противоположною стороною. Правило это покоится на той презумпции, что свидетель дружелюбно

настроен по отношению к той стороне, которая на него сослалась. Однако, и в этом случае английский суд допускает наводящие вопросы не безусловно, а в пределах весьма ограниченных.

„Дозволенность наводящих вопросов при передопросе свидетеля противной стороны не означает,—говорит один из английских судебных деятелей (Тейлор),—что адвокат может позволить себе вкладывать самые слова в уста свидетеля, которому, таким образом, пришлось бы только повторять их; не санкционируется этим также постановка вопросов, предполагающих доказанность обстоятельств, которые не были доказаны, или что уже даны были ответы, которые на деле не были даны“. Таким образом, в английском суде вообще устраняются наводящие вопросы. Не так на континенте, где, как напр., в Германии, допускаются в широких размерах приемы допроса свидетелей несомненно наводящего характера, напр., такое обращение к непомнящему свидетелю: „ведь вы должны были видеть это, вы же были при этом, другой свидетель показал то-то и то-то, не так ли это было. Итак, желате ли вы присоединиться к его показанию?“

Разумеется, тут главная роль должна принадлежать председателю суда, от опыта и такта которого зависит находить грань между наводящими и ненаводящими вопросами и пределы, в которых могут допускаться, в интересах содействия правосудию, те или другие приемы допроса свидетеля. В криминалистической литературе высказывается мнение, что психологическое изучение свидетельских показаний, в особенности, изучение роли внушения в допросе, настоятельно требует, чтобы из процесса были устранены наводящие вопросы, а для этого председателю суда должно быть предоставлено исключительное право задавать свидетелю вопросы. По мнению Шнейкerta (Schneikert, Zeugenvernehmung), стороны должны быть лишены этого права. „Когда свидетель,—говорит он,—наконец успевает освоиться обыкновенно предупредительным способом допроса со стороны председателя суда, научается следить за его вопросами и разъяснениями и, таким образом, может быть возвращен на бессознательно оставленный им путь воспоминаний,—достаточно одного вопроса со стороны прокурора или защитника, чтобы вывести свидетеля из его спокойного состояния, а главное, сделать его подверженным внушению и посредством этого завлечь его на ложный путь“.

Разумеется, это мнение не выдерживает критики. Не говоря о том, что и председатель суда может оказывать давление на свидетеля вопросами наводящего характера, лишение сторон права участия в допросе свидетеля противоречило бы принципу состязательности в современном процессе, и ни одно процессуальное законодательство не

может отказаться от этого принципа. Притом полное освещение обстоятельств дела и выяснение истины—цель, к которой стремится суд, возможно лишь при диалектическом способе добывания свидетельских показаний, достигаемом в перекрестном допросе свидетеля состязавшимися сторонами, из которых одна дополняет, исправляет и раз'ясняет другую *).

К числу внешних условий, определяющих качество свидетельского показания, относится промежуток времени, отделяющий восприятие от репродукции. Большая или меньшая продолжительность времени не только способствует забвению фактов, но и увеличивает ошибочность показаний. Опыты Штерна показывали в течение 3 недель, день за днем, увеличение количества ошибок на 1,3% за каждый день. Впрочем, вопрос этот мало выяснен и представляется весьма сложным. Это видно из того, что Saffa и Diel пришли, напротив, к выводу, что позднейшие показания достовернее более ранних.

Следует еще отметить роль, которую играет в отношении влияния времени—повторение показаний. Если в период между первоначальным восприятием и настоящим показанием имели место попытки репродукции полученных впечатлений (напр., при допросе у следователя), то ими парализуется отчасти влияние времени; однако, такое закрепляющее действие повторных показаний относится в одинаковой степени и к ошибочным, и к верным сообщениям свидетелей; понятно, что искажение истины, допущенное в предшествующем показании, может легко вызвать в позднейшем еще большую путаницу.

Стушевывающее и искажающее влияние времени сказывается в зависимости не только от несовершенства памяти, но и от незначительности воспринятого факта. Еще Бентам указал, что „некоторые факты—и таково большинство наблюдаемых нами—до того незначительны, что они способны испариться из чьей бы то ни было памяти через минуту после того, как они были восприняты“.

Само собою разумеется, что в ряду внешних условий, при которых воспринимаются впечатления, имеют не малое значение степень освещения, отдаленность предмета наблюдения, положение предмета и. т. д.

3. Суб'ект показаний. Наконец, различные степени достоверности свидетельских показаний зависят от индивидуальных особенностей суб'екта показаний. Тут перед

*) В нашем Уголовн. Проц. Код. эта система допроса выражена в ст. ст. 288—293. Между прочим, согласно ст. 292 и 293, каждая сторона вправе предлагать свидетелю дополнительные вопросы в раз'яснение или в дополнение ответов, данных на вопросы другой стороны, а дальнейший допрос свидетелей, в случае надобности, производится впредь до исчерпания судом и сторонами всех вопросов.

исследователем возникает наиболее сложная и интересная психологическая проблема: различные физиологические и психологические признаки разделяют людей на определенные типы и категории человеческой природы; к этому присоединяются различные степени интеллектуальности и культурности. Все это определяет различную, логическую и моральную, ценность показания:

Индивидуальные различия отражаются на всех моментах, из которых складывается показание,—на восприятии, запоминании и воспроизведении.

Французские психологи Janet, Ribot, Richet установили типичные приемы в процессе воспоминания: слуховой, зрительный и моторный. Свидетель, воспроизводя то, чему он был очевидцем, или руководствуется воспоминаниями о слуховых впечатлениях, или пользуется своею зрительною памятью, или он сочетает свои воспоминания с движением предметов и людей. В большинстве случаев эти основные типы воспоминания не обособляются, а действуют вместе, и следовательно, приходится говорить о смешанном типе, причем то один, то другой, то третий из указанных приемов выражен в конкретной комбинации сильнее других; другими словами, воспринимать внешний мир и судить о нем один субъект способен по преимуществу на основании зрительных впечатлений, другой — слуховых, третий — моторных. Само собою разумеется, что преобладающий тип восприятия и памяти кладет свой отпечаток на все проявления данной личности, и в зависимости от различия типа, в особенности, когда он выражен резко, меняется в том или ином направлении и характер его показания.

У некоторых людей наблюдаются далеко не всегда патологического характера ассоциации между звуками, тонами, музыкальными впечатлениями, с одной стороны, и цветовыми ощущениями, с другой. Впервые это явление было отмечено д-ром Заксом в Эрлангене, который, подобно своей сестре, имел окрашенные слуховые ощущения. У Binet в его „L'eprolème de l'audition colorée“ указываются и другие случаи таких ассоциаций: одной даме звук представлялся красным; другая говорила, что цветок имеет такой же голубой цвет, как имя Filins; третьей звуки Гайдна казались окрашенными в зеленый цвет, музыка Моцарта — в голубой, Шопэна — в темножелтый.

В отношении степени восприимчивости и утонченности органов чувств, люди различаются между собою в гораздо большей степени, чем это обыкновенно предполагается. От этого зависит различная сила воображения, которая в свою очередь влияет на память. Бывают художники, которые отличаются столь развитым воображением, что могут по памяти нарисовать любой портрет. Художник Клод Лоррэн

проводил целые дни в римской Компанье, не притрогиваясь ни к карандашу, ни к кисти, а затем, по возвращении в мастерскую, изображал эту природу по памяти. Известно, что Микель Анджело, Рафаэль, Беклин и др. художники, скульпторы, поэты с могучим воображением в области форм и красок, творили свои идеальные произведения уже после того, как художественные образы облекались в плоть перед их духовным взором. Рассказывают, что Моцарт в возрасте 14 лет, впервые услышав *Miserere Allegri* в Сикстинской Капелле, записал все это произведение на память. Есть музыканты, которые, читая партитуру, слышат всю ее музыку. К этой же области относится замечательный случай, который приводится Лау в его „*Experimentale Didaktik*“, 1903. Ослепший скульптор Иоганн Ганибазий, желая испытать, что может он еще дать искусству, сделал следующее: самым тщательным образом ощупав одну мраморную статую, он затем выполнил копию с нее, изумительное сходство которой с оригиналом всех поразило.

Весьма различна сила памяти, в которой главную роль играет не столько способность запоминания, сколько способность воспоминания. У некоторых весьма сильно развита зрительная память, напр., у выдающихся шахматистов, которые, закрыв глаза или отвернувшись в сторону, способны вести игру или даже играть одновременно несколько партий. Напротив, у очень многих людей имеются различного рода дефекты памяти, особенно часто встречаются люди, которые не могут запоминать лиц, имен, чисел.

В зависимости от духовного склада свидетеля, внимание может быть сосредоточенное или рассеянное, „центростремительное“ или „центробежное“, и этим различием обуславливаются свойства наблюдательной восприимчивости у индивидуально различных людей: у одних наблюдения воспринимаются в главных существенных частях и отпечатлеваются в виде связной, отчетливой картины; у других наблюдения направляются на отдельные разрозненные факты, большею частью, не существенные для общей картины, и оставляют в памяти бледные, неопределенные следы. Также у разных людей различна степень запоминания, удержания наблюдаемого в памяти и способность воспроизвести наблюдение путем воспоминания и оживить его в форме рассказа. Одни обладают талантом воспроизведения, т. е. способностью вызывать в уме очень наглядно всю огромную массу впечатлений, пережитых в прошлом и сочетать их в общую картину, но в то же время обладают слабою способностью воспоминания в тесном смысле, т. е. способностью вызвать в памяти одно определенное сочетание прошлых впечатлений и на нем фиксировать воспоминание; это—свойство многих богатых воображением натур. Другие, напротив,

прикреплены воспоминанием только к одному определенному моменту из пережитого множества впечатлений.

У одних отсутствует способность сосредоточиваться на мелочах, общее заслоняет подробности, они скорее мыслители, освещающие и осмысливающие факты, чем наблюдатели. У других, наоборот, склонность к усвоению частных, подробностей, которые часто не имеют никакого существенного значения и которыми стирается главное, единственно важное и существенное. Тут также играют известную роль „эгоцентрические“*) стремления индивидуума: некоторым свойственно ставить себя, свои мысли, свои чувства и переживания, по поводу наблюдаемого ими центром рассказа, и, вследствие этого, заслоняются или субъективно скрашиваются факты, находящиеся в поле зрения наблюдателя. Другие, напротив, обнаруживаются вполне безучастными наблюдателями, и, вследствие этого, рассказ их теряет в отчетливости, яркости и дает слушателю лишь бледный и неопределенный отпечаток их наблюдений.

Весьма большую роль играет темперамент свидетеля, который отражается как на характере восприятия впечатлений, так и на способе передачи их. Как известно, различаются (по определению Канта) четыре темперамента—два темперамента чувства (сангвинический и меланхолический) и два темперамента деятельности (холерический и флегматический). В зависимости от типического настроения, свойственного тому или другому темпераменту свидетеля, определяется его внимание к тем или другим наблюдаемым обстоятельствам: один проходит равнодушно и ничего не замечает, а у другого, напротив, задевается и фиксируется его внимание, и он иначе, чем первый, реагирует на окружающее.

По наблюдениям проф. Крамера, замечается, что люди, которым пришлось много пережить и запоминать, легче позабывают подробности какого либо события, чем люди, жизнь которых протекала ровно и спокойно.

Также наблюдения показывают, что многие вполне здоровые люди, воспроизводя событие, о котором много говорили в обществе и печати, сами того не замечая, находят в своей памяти только то, что они слышали об этом событии и в тех выражениях, в которых говорилось о нем, и совершенно забывают то, что они непосредственно восприняли, как очевидцы, этого события, другими словами, у них зрительные впечатления заслоняются и поглощаются слуховыми впечатлениями по поводу воспринятого.

В числе многих признаков, которыми различаются между собою люди, наиболее существенное значение имеет пол, возраст, душевный строй и умственное развитие.

*) Его (эго)—я. эгоцентризм,— „я—центр всего“.

О различии между женскими и мужскими показаниями уже было упомянуто выше, при изложении опытов Штерна; из них видно, что женщины меньше забывают, но чаще искажают (забывчивость женская относится к мужской 2:3; ошибочность—как 4:3), что у них гораздо меньше, чем у мужчин, развита способность к сомнению, вследствие чего они легче склонны подтверждать свои показания под присягой (в среднем, показания женщин, подтвержденные клятвой, содержат более, чем вдвое, неверных данных, нежели такие же показания мужчин). Между прочим, интересна одна особенность в женских показаниях, установленная опытами Дугаля: при определении протяжения времени, протекшего между событиями, женщинам время кажется длиннее, чем мужчинам, а именно, у мужчин на 45% против действительности, а у женщин на 111%. Конечно, эта особенность имеет большое значение для суда, потому что время, как известно, играет часто в показаниях свидетелей весьма важную роль. По наблюдениям проф. Крамера, большое влияние на качество женских показаний оказывают периоды менструаций, беременность и возраст.

В исследовании И. Е. Астафьева „Психический мир женщины“, указывается, что у женщин гораздо сильнее чем у мужчин развита потребность видеть конечные результаты своих деяний и гораздо менее способность к сомнению, причем доказательства их веры в то или другое более оценивается чувством, чем анализом. Отсюда преобладание впечатлительности перед сознательною работою внимания.

Замечательно, что в детском возрасте до 11 лет влияние пола почти не сказывается: показания девочек и мальчиков мало различаются между собою. Начиная с 11 лет, влияние пола заметно усиливается: у девочек, как установлено опытами Штерна, обозначается совершенно исключительная склонность к искажению истины (33% ошибок на 22% у мальчиков того же возраста). То же подтверждается опытами проф. Маркса-Лабзина, данные которых были нами выше приведены.

В отношении возраста, опытами устанавливается чрезвычайная подверженность детей внушению. По наблюдениям Штерна, степень восприимчивости детей в возрасте 7 лет к внушению вопросами определяется в 50%, у детей в 14-летнем возрасте она понижается до 15%. Из этого видно, что эта психическая черта зависит теснейшим образом от возраста. Эти данные заставляют относиться с крайним недоверием к показаниям детей. С точки зрения психологического исследования свидетельских показаний, возникает вопрос о допустимости показаний детей. Один из немецких исследователей (вышеупомянутый Schneikert,

Zeugenvernehmung) выставляет положение, что дети моложе семи лет вовсе не должны быть допускаемы к свидетельству на суде, „в виду крайней ненадежности показаний детей, являющейся следствием их недостаточной способности к восприятию, слабости памяти и высокой суггестивности (подверженности внушению)“.

Однако, это положение едва ли может быть принято с такою безусловностью, с какою оно высказывается Шнейкертом. Еще много лет тому назад известный английский криминалист Стифен, указав на многочисленные и существенные недостатки, которыми отличаются показания детей, заметил: „Это—зло, против которого закон бессилен. Но недопущение детей к свидетельству, вплоть до известного возраста, являлось еще большим злом. Необходимо только, чтобы судьи более настойчиво, чем они это обыкновенно делают, указывали присяжным на то, как несовершеннолетние показания детей и как опасно, руководясь симпатией, полагаться на них“.

Подобно детям, как показывают наблюдения, сильно подвержены внушению также простые, малоинтеллигентные люди; показания их отличаются от показаний образованных людей, главным образом, ярче выраженной впечатлительностью к внушению. Опытами установлено, что наводящие вопросы дали у рабочих 25% ошибок, у образованных людей—только 5%.

Интересные данные дали наблюдения д-ра Гейльберга, который пришел к выводам, что самые плохие свидетели в отношении степени способности внимания—это юристы и кабинетные ученые: первые потому, что у них каждое показание, рядом с передачей впечатлений, заключает в себе часто суждение правового характера, а вторые—потому, что специалисты, вследствие односторонности и отвлеченности своего внимания, неправильно воспринимают детали. Вообще, чем более человек приспособлен к отвлеченной умственной работе, чем более он привык погружаться в свой внутренний мир, в свои собственные мысли, тем поверхностнее скользит его взор по окружающей действительности. Между прочим, замечено, что натуралисты наблюдательнее, чем философы.

Вообще, по наблюдениям Гейльберга, большинство даже образованных людей отличается плохой восприимчивостью к окружающей их действительности. Особенно недостаток этот проявляется относительно времени и пространства. Как долго длятся 2 минуты? Отстоит ли данный пункт от другого на 100 шагов? Больше или меньше, насколько? Состоит ли толпа из 200 или 500 человек (в манифестации)? Особенно слаба восприимчивость относительно малых промежутков времени и пространства, и то, что Штерн приписывает

свойственной людям тенденции преувеличения, по мнению Гейльберга, есть не что иное, как результат слабой восприимчивости. Насколько во многих случаях для точности восприятия нужны специальные познания, настолько подчас специализация может быть вредна, ибо наблюдатель смотрит на все односторонне.

VI.

Психологически-экспериментальное изучение свидетельских показаний, несмотря на то, что оно производится уже в течение более четверти столетия, до сих пор остаётся еще в сфере научно-теоретического исследования и не оказало пока заметного практического влияния на процессуальную область. Ни в постановлениях процессуального законодательства, ни в судебной практике не нашли еще себе отражения взгляды новой теории. По прежнему, положительные законодательства и судебная практика стоят на старой точке зрения, презумирующей достоверность добросовестных свидетельских показаний, в смысле соответствия их объективной действительности, и придающей им безусловное значение законных доказательств. Среди судей — даже на родине теории Штерна — в Германии, найдется очень мало таких судей, которые решились бы в своей судейской деятельности, при оценке свидетельских показаний, применять на практике новые взгляды на свидетельские показания, как на несовершенное орудие выяснения истины, и на этом основании в своих приговорах отвергали бы законную доказательную силу этих показаний. Очевидно, психологическая теория свидетельских показаний еще недостаточно созрела, чтобы стать базисом для реформирования процессуального порядка в соответствии с научными выводами психологически-экспериментального изучения свидетельских показаний.

Однако, произведенные опыты не остались без результатов для судебного дела. Они дали возможность научным путем выяснить, как и в зависимости от каких влияний изменяется логическая и моральная ценность свидетельских показаний, и сделать отсюда соответственные выводы практического характера. Научно-экспериментальное исследование психологии свидетельских показаний выдвинуло вопросы: можно ли устранить отрицательные явления, замеченные опытами этого исследования, и если возможно, то каким образом? Какими средствами можно улучшить достоинство материала показаний и качество самих свидетелей?

По мнению Штерна, меры, которые могут быть тут указаны, имеют частью отрицательный, частью положительный характер. Отрицательные меры сводятся к тому, чтобы

ограничить или вовсе парализовать действие условий, могущих явно вредить качеству свидетельских показаний. Так, напр., раз установлено, что наводящие вопросы вызывают ошибки, то техника нашего процесса в этом отношении должна будет измениться; если, на основании точно установленных данных, выяснено, что показание много теряет в зависимости от времени, протекающего с момента события до момента дачи показаний, то этот вывод должен послужить лишним аргументом против отсрочки судебных процессов и вообще медленности производства. Выводы психологии свидетельских показаний должны также разрушить понятие деликта, связанного с лжесвидетельством, и предостеречь от слишком поспешных обвинений в ложности показаний: объективно неверное показание не всегда есть преступление, результат преступной воли свидетеля, а очень часто является только невольным, бессознательным искажением истины.

В области положительных мер, касающихся свидетельских показаний, наиболее важными представляются следующие две: 1) в судебное разбирательство должна быть введена психологическая экспертиза и 2) одной из задач воспитания должна стать дисциплина памяти.

Роль эксперта - психолога, по мнению Штерна, должна явиться двоякой: во первых, основываясь на данных психологии свидетельских показаний, он должен выяснить, какое влияние на свидетелей оказали те или иные условия; так, напр., от него можно было бы требовать сведений о том, какова в среднем достоверность детских показаний; при некоторых сообщениях свидетелей, напр., при определении времени, ему пришлось бы решать вопрос, не слишком ли продолжителен срок, истекший с момента события, для того, чтобы оно могло сохраниться в памяти; если доказано было бы, что свидетель находится под влиянием известного внушения, эксперт обязан был бы высказаться о том, насколько способно это внушение исказить истину; далее, он должен был бы давать заключение о том, не объясняется ли неверное показание свидетеля невольной ошибкой памяти и т. п. Во вторых, эксперт мог бы подвергать свидетелей экспериментальному исследованию, чтобы определить, насколько важнейшие из них способны к точным восприятиям и, потому, вообще достойны доверия.

Мысль о необходимости психологической экспертизы свидетельских показаний выдвигается многими авторами, между ними Гансом Гроссом. В своей уже цитированной нами „Kriminalpsychologie“ он говорит: „Существуют особенности памяти, в которых нет ничего патологического и которые однако представляются странными, редкими и потому невероятными; экспертом их должен выступить сведущий

специалист—психолог; если он и не объяснит некоторых отдельных случаев, то по крайней мере подтвердит их возможность указанием подобных же явлений, известных ему из литературы предмета“.

Klausmann („Zeugenprüfungen“) полагает, что во многих случаях исследование свидетелей можно было бы производить тут же, на судебном разбирательстве, напр., чтобы определить точность пространственных показаний свидетелей, эксперт мог бы предложить последним вопросы о ширине, длине и пр. того помещения, где происходит суд, а также тех предметов, которые там имеются; также, при помощи самых простых опытов, можно было бы измерять остроту зрения, верность указаний времени и т. д. Некоторые авторы (Preyer, Busse) доказывают возможность графологическим способом исследовать достоверность свидетельских показаний; Буссе приводит ряд образцов почерков, из которых графолог может вывести заключение, что писавший страдает недостатком объективности и не способен к правильным суждениям.

Нет сомнения, что главным нововведением в будущем реформированном процессе должен будет явиться институт психологической экспертизы допрашиваемых в суде свидетелей и данных ими по каждому делу показаний—для определения психической личности свидетеля и индивидуальных особенностей его аппарата,—наблюдательной восприимчивости, запоминания и воспроизведения, воспоминанием воспринятого. Вопрос о введении в процесс такой экспертизы уже поставлен в литературе*).

VII.

Криминально-процессуальная психология относится не только к свидетельским показаниям. Она касается также и других участников процесса—судьи, следователя, обвинителя, защитника, обвиняемого, в особенности, судьи. Психология судейской деятельности является такой же проблемой, как и психология свидетельских показаний, и находится с последней в самой тесной связи и взаимозависимости.

Судья, по меткому замечанию А. Ф. Кони, является, так сказать, свидетелем свидетельских показаний, и, следовательно, ему нужны напряженное внимание и память, т. е. свойства, обуславливающие качество свидетельского рассказа. „Если,—говорит Кони,—рассказ свидетеля о слышанном и виденном может незаведомо для него передавать

*). См. статью А. С. Тагера „О предмете и пределах науки об уголовном суде“, в журнале „Право и Жизнь“, кн. 1, 1924 г.

то или другое в искаженном или неверном виде, то насколько же больших гарантий требует рассказ судей о том, что им пришлось выслушать, излагаемый в форме исторической и аналитической части приговора”.

В действительности, судьи подвержены тем же дефектам человеческой психики, как и свидетели, ибо и в деятельности судьи имеют решающее значение акты восприятия, процессы сохранения в памяти воспринятого и переработки воспринятого в сознании—для воспроизведения полученного материала в виде объективных оснований и мотивов того или другого—обвинительного или оправдательного—судейского мнения, т. е. судебного приговора.

Судья не просто автомат, машинально и бесстрастно устанавливающий факты на основании судебного материала и производящий юридическую квалификацию этих фактов, а живой, чувствующий человек, которому свойственны чувственные и волевые элементы человеческой психики, и поэтому над его сознанием имеют власть все те влияния и воздействия, которыми обуславливаются ошибки и aberrации свидетельского сознания.

Нередко судьи, под влиянием представителей сторон, склонны делать поспешные и неосновательные выводы по отношению к правдивости и добросовестности свидетелей. Напр., свидетель, дважды передавая о виденном и слышанном им, несколько видоизменяет свой рассказ; представитель стороны, для которой выгодно поколебать силу сделанного показания, указывает суду на эти различия, как на доказательство лживости свидетеля. Или два очевидца, свидетельствующие об одном и том же происшествии, расходятся между собою относительно какого-нибудь побочного обстоятельства; обвинитель или защитник видит в этом основание для того, чтобы опорочить доверие к одному из этих свидетелей, так как один из них уже наверное лжет. Между тем такой вывод часто представляется вполне неосновательным. Английские судьи относятся всегда крайне отрицательно к подобным приемам дискредитирования свидетельского показания. Они находят, что отсутствие буквального тождества при повторении свидетелем данного им показания доказывает лишь добросовестность его, ибо повторять в одних и тех же выражениях и точь в точь могут только ученики, заучившие урок; также некоторое разногласие в показаниях нескольких лиц об одном и том же одновременно воспринятом ими явлении не всегда должно подрывать доверие к свидетелям и вызывать сомнение и в истинности той части показания, в коей свидетели утверждают одно и то же. Напротив того, точное и буквальное совпадение возбуждает подозрение в предварительном уговоре и обмане. Тут надо различать разногласие показаний относительно

существенных обстоятельств и разногласие относительно второстепенных подробностей и побочных условий, при которых эти обстоятельства происходили. Когда показание касается обстоятельств незначительных, на коих не было сосредоточено внимание свидетеля и которые произвели на него столь слабое впечатление, что оставили в его памяти лишь неясный след, то один и тот же свидетель в разное время или разные свидетели в одно и то же время могут различно воспроизвести их, несмотря на все свое желание не уклоняться от правды. Разногласие будет тут касаться не остова происшествия, очевидцами которого они были и на котором фиксировалось их внимание, а каких либо побочных, сопутствующих происшествию обстоятельств, напр., времени, места и т. п. То же самое можно сказать и относительно разногласий, встречающихся в исторических мемуарах, в которых подробности одного и того же события излагаются разное несколькими очевидцами его, и это никоим образом не уменьшает степени достоверности в отношении самого события.

Много тонких наблюдений и метких замечаний по поводу судейской психологии можно найти у А. Ф. Кони в его книжке „Память и внимание“. На основании собственного судейского опыта, он рекомендует судьям осторожность в оценке поведения свидетеля на суде. Замешательство, неуместная улыбка, нелепое заключение, покраснение и т. д. не всегда обнаруживают желание скрыть истину. „Надо в этих случаях слушать, что говорит свидетель, совершенно исключая из оценки то, чем оно сопровождалось“ на суде, и не надо добиваться ответа о том, чего внимание свидетеля не охватило, а может быть и не способно охватить. Добиваться тут точности математической — значит, толкать на ложь. Ту же осторожность надо соблюдать относительно допроса потерпевшего и обвиняемого. Между прочими предостережениями, которые А. Ф. Кони адресует судье, следует указать на предостережение его, не считать сознательную фальшь, если свидетель не точно обозначает время преступного действия, ибо опытами доказано, что в этом отношении проявляется наибольшая ошибочность свидетельских показаний, в особенности у женщин. Между тем, на практике судьи и следователи обычно придают особо важное значение их требованиям, обращенным к обвиняемым, потерпевшим и свидетелям о точном определении времени, усматривая в неточных ответах по этому предмету доказательство сознательной лживости показания.

Вообще, к показаниям потерпевших от преступления следует относиться с осторожностью. По наблюдениям Кони, потерпевшие, в особенности такие, которые были, так сказать, очевидцами содеянного над ними преступления,

всегда, и притом передко вполне добросовестно, склонны преувеличивать обстоятельства или действия, в которых выразилось нарушение их имущественных или личных прав. По пословице—„у страха глаза велики“—возникшая опасность невольно заставляет преувеличивать размеры и формы, в которых она выразилась; опасность прошедшая рисуется взволнованному сознанию большею, чем она была, отчасти под влиянием ощущения, что она уже прошла. „Известно, говорит А. Ф. Кони, что на людей впечатлительных, ставших в положение, по их мнению, безразличное или безопасное, действует затем самым удручающим образом неожиданно проявившееся понимание опасности или горестных последствий, которые могли бы произойти, и сердце их сжимается от ретроспективного ужаса не менее сильно, как если бы он еще предстоял. Отсюда сильные выражения в описании ощущений и впечатлений, отсюда преувеличения в определении размера, быстроты, силы и т. д. Простая палка оказывается дубиной, угроза пальцем—подъем кулака, возвышенный голос—криком и т. д.“.

В особенности, судьи должны проявить осторожность по отношению к „свидетелям по слуху“. Уже давно замечено, как мало следует доверять передаче чужих речей. Ошибочность такой передачи объясняется различными причинами. Свидетель, может быть, слышал лишь часть разговора, которая, будучи оторвана от всего контекста разговора, приобретает совершенно иной смысл, чем когда она находится в общей связи с остальными частями; или он мог почему либо неправильно понять сказанное в его присутствии, или память может легко изменить ему и, перепутав некоторые слова, придать, вследствие этого, высказанному иной смысл и иное значение, чем оно имело в действительности, и т. п.

Сомнительность показаний о чужих словах была метко охарактеризована в английском парламенте в 1685 г., при обсуждении законопроекта о признании государственным преступлением произнесения фраз определенного содержания. „Слова,—говорили противники этого билля,—легко могут быть ошибочно поняты глупцом. Они легко могут быть ложно истолкованы негодяем. Образное выражение может быть истолковано буквально. Сказанное в шутку может быть принято в серьез. Частицы речи, времени или залога глагола, ударения—достаточно для того, чтобы составить полную разницу между виновностью и невиновностью“. Возражения эти заставили значительно смягчить предложенное в проекте наказание (Кулишер, Психология свид. показаний. Вестн. Права, 1904 № 9).

Эти замечания имеют весьма важное значение для оценки показаний из вторых рук, по слухам. Опыты,

произведенные в этом направлении*) показывают, что ошибочность во вторичном свидетельстве достигает весьма высоких размеров не только абсолютно, но и в сравнении с ошибочностью первичного свидетельства. Чем обусловливается такая крайняя недостоверность показания из вторых рук, даже при полной добросовестности обоих передававших его лиц? Повышению ошибочности тут, по мнению Е. М. Кулишера, содействует, прежде всего, совокупная „работа“ двух лиц, из коих каждое вносит свою лепту вымысла в конечный результат. Это—прямой вывод из того положения, что каждое свидетельское показание заключает в себе некоторую долю бессознательной лжи. К ошибкам свидетеля—очевидца присоединяются ошибки свидетеля по слуху. И если мы в конечном результате не всегда получаем полностью сумму ошибок того и другого лица, то это объясняется тем, что свидетель по слуху, передавая показание свидетеля-очевидца, забывает или перевирает не только правду, но и ложь, так что ошибочное заявление свидетеля-очевидца не входит полностью в конечный результат; но показание по слуху складывается не только из двух ошибочных свидетельств, но из двух свидетельств такого рода, что одно из них отличается особой, чрезвычайной ошибочностью. Свидетель по слуху показывает о слышанном им: вторичному свидетельству присущи все те недостатки, которыми показание о слышанном, даже когда оно исходит из первых рук, не выгодно отличается от показания о виденном. „Лучше один раз видеть, чем десять раз слышать“,—гласит немецкая пословица; „и это, — замечает Гросс,—равно применимо и к обыденнейшим наблюдениям и к точнейшим научным исследованиям“. Слова Лязеля: *Un seul ceil a plus de credi', que deux oreilles n'ont d'audioi'* **) правильны не только по отношению к вторичному свидетельству, но и вообще ко всякому свидетельству о слышанном. Все, действующее на зрительные нервы, сильнее привлекает наше внимание, чем звуковые ощущения, кроме того, глаз воспринимает значительно живее, и лучше чем ухо. „То, что входит в наши уши, не проникает столь глубоко, как воспринимаемое посредством глаз“,—говорит психолог Носкер. Вследствие этого, слышанное и запоминается хуже виденного. Помимо того, память обладает как будто большей властью над картинами, чем над звуками. Закрыв глаза, мы можем видеть всю природу; музыка же, перестав раздаваться, не имеет уже постоянного места в клетках уха***).

*) См. об этих опытах в статье Е. М. Кулишера, Психология свид. показаний—Вестн. Права, 1904 г. № 9.

**) „Один глаз заслуживает больше доверия, чем два уха“.

***) Там же.

VIII.

Большую роль играет психология допроса обвиняемого, которая еще ждет своего исследования теми-же экспериментальными методами, какими шло исследование психологии свидетельских показаний, давшее столь плодотворные результаты. Проблема эта теоретически поставлена в работе известного германского криминалиста, профессора гамбургского университета Liermann'a (Липмана) под заглавием „Психология допроса обвиняемого в уголовном процессе“ *).

С психологической точки зрения,—говорит проф. Липман,—обвиняемый должен рассматриваться, как свидетель, и его показания—как обычное доказательственное средство. Поэтому судья должен относиться к допросу обвиняемого с тою же осторожностью, какая требуется при свидетельском допросе, и даже в наибольшей степени, ибо волнение и смущение особенно сказываются у обвиняемого,—будь он действительно виновен, или же невинно заподозрен. Поэтому вовсе не удивительно и, самое главное, не может служить хотя бы малейшим указанием на его действительную виновность то обстоятельство, что в его показаниях имеются неточности и даже явно лживые утверждения. Если „провалы“ памяти и ошибки являются нормальным явлением у обычного свидетеля, то тем более они могут быть у обвиняемого, волнуемого страхом (именно и в особенности, если он не виновен) и теряющего, под влиянием страха, обладание своими способностями, в их числе памятью **) (подобное ослабление памяти наблюдается на любом экзаменующемся студенте). Но даже тогда, когда обвиняемый явно лжет, это ни в коем случае не говорит о его вине. Судебная практика знает не мало случаев, когда невинно обвиняемые, под влиянием страха, прибегали к лживым показаниям, сознательно, а иногда и бессознательно надеясь при помощи этого ненадежного средства, отразить тяготеющее над ним обвинение. Известен в этом отношении случай в „Полненском ритуальном процессе“, в котором обвиняемый Гильснер, заподозренный фанатичной толпой в убийстве, будто бы совершенном им с ритуальной целью, на вопрос судьи о его сексуальной жизни (у суда возникло

*) Перевод этой статьи помещен в журнале „Право и Жизнь“. 1924 г. № 3—4

**) По наблюдениям А. Ф. Кони, ни один подсудимый, совершивший преступление под влиянием сильной эмоции, не может рассказать подробности решительного момента своего деяния и в то же время может быть способен передать быстро сменявшиеся и перекраивавшиеся в его душе мысли, образы и чувства перед тем, как он шварил, оскорбил, спустил курок, вонзил нож...

подозрение, что убийство совершено именно на половой почве), утверждал, что он импотент, и это утверждение его было опровергнуто, как несомненная ложь.

Вообще, судья должен остерегаться делать поспешные и окончательные выводы из поведения обвиняемого. „Многие судьи,—читаем мы у Фридрайха („Medicinische Psychologie“),—поступают неправильно, создавая себе отвлеченное представление о том, как должен вести себя невинный человек, которому пред'явлены неосновательные обвинения, и устанавливая для себя на этом основании масштаб, которым они меряют любого обвиняемого. И вот, всякий, кто не ведет себя в согласии с представлениями этих психологов обобщающего склада, является для них виновным, и каждое движение, которое он делает, для них становится выражением вины“.

Судье часто приходится лишь с большими усилиями над собою противостоять тому давлению, которое производит на его психику сложившееся уже раньше предубеждение против подсудимого, и убеждению в его виновности. Это большею частью очень трудно удается, и судья иногда склонен рассматривать поведение обвиняемого, как подтверждающее во всех отношениях создавшееся у него предположение. Тогда он приходит к выводам, которые очень тонко, хотя и несколько каррикатурно, отмечает Льежуа („De la suggestion“): „Проявляет обвиняемый беспокойство. это означает, по мнению судьи, что он понимает всю серьезность своего положения и обнаруживает свою нечистую совесть; если он ведет себя непринужденно,—это называется дерзостью; забыл обвиняемый какое либо незначительное обстоятельство,—это значит, что он запирается; если же он находит, что ответит на все вопросы,—это значит, что он действует по предварительно обдуманному плану защиты, с целью обмануть судью“.

Такая склонная к обобщениям психология, которая из собственных суждений извлекает масштаб для оценки обвиняемого, весьма обычна в судебной практике и нередко приводит судью к крайне ошибочным заключениям. В уголовном процессе все участвующие в нем лица (потерпевший и его близкие, соседи и другие случайные очевидцы и свидетели и, в особенности, обвиняемый) могут оказаться под влиянием возбуждения, самовнушения, воздействия со стороны других лиц, чувства самосохранения или каких-либо других чувств, соображений и расчетов; поэтому часто перед судьей имеются запутанные и неясные пути, в которых он должен ориентироваться, действительно ли обвиняемый виновен и в какой мере виновен.

Возникающая в связи с допросом обвиняемого проблема заключается, по мнению проф. Липмана, в том, чтобы

заставить обвиняемого говорить и поставить попытки в этом направлении так, как будто бы судья имел дело с трудным свидетелем, а не с обвиняемым. Ибо те результаты и положения, которые добыты из экспериментальных данных психологии свидетельских показаний и основанной на ней психологии свидетельского допроса, приобретают весьма большое значение и в отношении обвиняемого.

В особенности требуется большая осторожность со стороны судьи в своих выводах в случае уклонения обвиняемого от каких либо объяснений по предъявляемому к нему обвинению. Молчание обвиняемого не всегда может быть истолковано, как улика против него, служить доказательством злостного заперательства, как это принималось в старом праве; ибо оно может вызываться различными мотивами личного характера, которые побуждают невинного обвиняемого, рискуя повредить себе, скрыть от суда действительные обстоятельства, служащие к оправданию его, напр., когда обвиняемый мог бы доказать свою невинность, только сообщив такие сведения, которые тяжело отразились бы на положении его близких или могли бы их скомпрометировать (напр., когда доказывание им своего *alibi* могло бы раскрыть нарушение супружеской верности или другое какое либо интимное отношение). Таким образом причины молчания подсудимого могут лежать гораздо глубже и быть более сложными, чем это может показаться на первый взгляд, и тут требуется от судьи психологическая чуткость и проницательность, чтобы не впасть в ошибочные представления о личности подсудимого.

Встречаются, наоборот, случаи, когда обвиняемые слишком много распространяются для своего оправдания, и при этом они, вследствие невежества, возбуждения, ненависти и близорукости, очень неловки в своей самозащите, упорно и грубым образом стремятся дискредитировать свидетелей, показывающих не в их пользу; тут имеется опасность, что судья может поддаться чувству нерасположения к подсудимому. Вообще, весьма опасно положение, когда со стороны судьи проявляются ослепляющие его человеческие чувства неприязни и предубеждения. Обстоятельства и последствия преступления вызывают такую массу горя и возбуждения, от которых судья не может остаться в стороне. Кроме того, судья может быть чужд и враждебен тому мировоззрению и тем мотивам, которые толкнули обвиняемого на преступление, и каждое слово, сказанное обвиняемым в свою защиту, может только усилить возбуждение против него со стороны судьи. Разумеется, во всех этих случаях судья должен найти в себе надлежащую выдержку.

Как вывод из высказанных мыслей, проф. Липман выдвигает следующее основное правило психологии допроса

обвиняемого: оно заключается в предостережении от слепого недоверия к обороняющемуся обвиняемому и от слепого же доверия к его сознанию. На практике очень часто применяются обе эти крайности.

В прежнее время вера в сознание была так сильна, что оно считалось „царицей доказательств“. В течение долгих столетий верили показаниям, даваемым под пыткой, так как примитивная, лишенная психологического понимания, мысль не знала, что осиливающая человека боль вынуждает его только к таким показаниям, которую могут эту боль прекратить, и что перед этой всецело владеющей им мыслью отступают назад всякие другие сдержки, мешающие ему говорить неправду, и всякие силы, побуждающие говорить правду. Равным образом, хотя и не со столь же непреодолимой силой, могут действовать и психические средства воздействия.

В настоящее время стало психологической аксиомой, что материал, полученный путем принуждения—физического ли или психического,—не дает никаких гарантий его достоверности и соответствия действительности. Хотя теоретически это всеми признано, но на практике до сих пор осталась вера в особенную доказательность сознания, и современные судьи не свободны от искушения вырвать у обвиняемого сознание теми или другими путями воздействия на него. Между тем, история ошибок человеческого правосудия показывает нам с поразительной убедительностью, какие опасности могут возникнуть, благодаря вызванному у обвиняемого сознанию*). Проф. Липман приводит один случай из французской практики (дело Дуаз).

Был убит один французский крестьянин. Молва обвинила замужнюю дочь его, Розалию Дуаз: она будто бы находилась в плохих отношениях с отцом и неоднократно била его. Она отрицала свое преступление и в особенности просила освободить ее из чрезмерно тесной тюремной камеры, так как она была беременна и опасалась за здоровье своего ребенка. Ей все время говорят: сознайтесь, и тогда вы получите лучшую камеру. После двух месяцев этой борьбы, она сознается в преступлении и получает лучшую камеру. Рождается ребенок, но через несколько дней умирает,—и тогда она берет обратно свое сознание, объясняя его своим безвыходным положением и торжественно заверяя, что она ничего не знает о преступлении. Ей выносят обвинительный приговор. Спустя два года находят действительных виновников

) По этому вопросу приводятся много случаев у Селло—„Die Irrtümer der Strafjustiz und ihre Ursachen“*, у Лайз-Вонновен—*„Les erreurs judiciaires et leur causes“*, также у проф. Липмана *„Totesstrafe“*.

убийства крестьянина. Этот случай особенно характеризует те опасности, которые могут вызываться подобными средствами давления, имеющими целью добиться сознания. Суд, ведущий судебное следствие, обычно ничего не знает об этих приемах, он считается лишь с фактом сознания обвиняемого, не зная, каким образом оно было добыто в тиши подследственной тюрьмы или полицейского арестного дома. Если само по себе всякое сознание обвиняемого способно внушить судье веру в виновность подозреваемого, то вера в правильность его признания еще более укрепляется, коль скоро и другие улики ведут в том же направлении. В деле Дуаз свидетели, может быть, совсем не так уверенно показывали бы об отношениях между отцом и дочерью, если бы не узнали, что та уже созналась. Суд, может быть, посмотрел бы на эти показания свидетелей, как на деревенскую болтовню, поскольку не существовало другое указание на вину Дуаз, доступное объективному восприятию. Но при сложившихся обстоятельствах, людская болтовня и сознание обвиняемой взаимно подкрепляют друг друга, создают убеждение в вине невиновной. Но если факт сознания уже налицо, то весьма трудно этот факт уничтожить посредством взятия признания обратно: обвиняемым верят, когда они принимают на себя вину, но им не верят, когда они заявляют о своей невиновности, и в особенности, когда они уже однажды сделали признание.

Конечно, в современных условиях отправления правосудия не может быть речи о насилии личном по отношению к подсудимому со стороны судебных органов. Но возможно насилие нравственное, воздействие или принуждение психическое—возбуждением страха, надежд на выгоду, угрозами, обольщениями, обещаниями. К этому прибавляется сознание беспомощности, которое может быть вызвано у подсудимого искусственно созданною атмосферой вокруг него, душевное томление и усталость, ослабляющая его волю, и т. п. В этом состоянии подсудимый легко поддается внушению со стороны следственных органов, которые могут вызвать у него сознание или полусознание во всем, в чем они считают его виновным.

Какие же выводы нужно сделать из этих случаев? Проф. Липман указывает прежде всего на необходимость для судьи, разбирающего дело, в случае последовавшего сознания обвиняемого, не ограничиваться фактом сознания, но тщательно ознакомиться с тем, каким образом обвиняемый пришел к признанию своей вины, а для того должностным лицам, перед которыми это признание впервые делается, должно быть вменено в обязанность составлять подробный протокол с точнейшим отчетом о способе допроса, приведшего обвиняемого к сознанию.

Но на практике бывают случаи, когда и сознание, вполне добровольное и заранее обдуманное обвиняемым, может быть ложным. Тут могут быть разные психологические причины; в особенности часты случаи сознания психопатов, истериков и слабых духом. У Селло и у других исследователей приводится очень много подобных случаев, доказывающих, что случаи ложного признания встречаются гораздо чаще, чем можно думать. Разумеется, на судье лежит огромная ответственность, когда ему приходится встречаться с подобными случаями, в которых могут возникать сомнения в правдоподобии сознания.

Вообще, судье крайне важно выяснить мотивы сознания. Проф. Липман считает необходимым предостеречь против криминалистической переоценки этого момента. По его мнению, случаи сознания, вызываемого действительным внутренним переломом и глубоким искренним раскаянием, очень редки. Они указывают во всяком случае на то, что нравственная личность обвиняемого осталась еще нетронутой; при этом сознание выполняет отчасти работу, составляющую задачу наказания, которое должно усиливать задерживающие представления и чувства, отвращающие от преступления. Но в весьма многих случаях раскаяние является не столько симптомом оставшихся живыми нравственных побуждений, сколько проявлением слабости. Вовсе не верно, что всегда лучшие среди преступников склонны к раскаянию. Этому чувству легко поддаются слабые и бесхарактерные люди, составляющие мир профессиональных воров, подделывателей, мошенников и бродяг. Но они так же легко забывают, как и раскаиваются; первый хотя бы незначительный повод разрушает все их добрые намерения. Чувствительность, свойственная слабым людям, одинаково быстро толкает на новые рецидивы преступления, с одной стороны, и новые порывы раскаяния, с другой.

В литературе указывается необходимость изучения психологии судейской деятельности тем же путем научно-экспериментального исследования, каким шло изучение психологии свидетельских показаний. Такое экспериментальное изучение имеет широкое поле исследования, касаясь различных сторон психологически и профессионально-сложной судейской деятельности, и может привести к весьма ценным результатам и выводам, которые послужат основой для будущего реформирования процессуального строя.

Пока еще в этом направлении ничего практического не предпринято, но проблема эта стоит на очереди, и ей посвящается в иностранной, преимущественно немецкой, литературе, не мало статей, как новому научному течению, носящему общий термин „судебная психология“ (*Gerichtliche Psychologie, psychologie judiciaire, psychologia juridica*).

Следует отметить, что и в нашем Союзе ССР эта проблема возбудила интерес, вызвавший попытку к практическим шагам: в 1920 г. некоторыми видными московскими криминалистами была составлена докладная записка о создании в Москве криминалистического института; в этой записке высказывалась, между прочими предположениями, и мысль о необходимости экспериментального изучения психики судьи.

Широкая инициатива Советской власти в области развития научной мысли дает все основания считать, что по мере усиления хозяйственной мощи нашей страны, мысль о создании такого рода института получит свое осуществление.
